

Анатолий
ЛУБИЧЕВ

ИСПЫТАНИЕ

Ж
И
З
Н
Ь
Ю

Анатолий Лубичев
Испытание жизнью

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Лубичев А. З.

Испытание жизнью / А. З. Лубичев — «Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-526-9

Этот роман не только о войне и не столько о войне – в нём рассказывается о нелёгком жизненном пути простой крестьянской семьи. Написан в память о людях, что жили, любили, ненавидели, терпели лишения и трудились, трудились, трудились; о людях, которые, несмотря ни на что, смогли преодолеть все несчастья и беды, уготовленные им войной и послевоенными годами. События, отражённые в романе, имели место в действительности и воссозданы по рассказам и воспоминаниям жителей одного из сельскохозяйственных районов Смоленской области.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-526-9

© Лубичев А. З., 2020
© Пробел-2000, 2020

Содержание

I	6
II	10
III	12
IV	19
V	21
VI	24
VII	26
VIII	29
IX	34
X	36
XI	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анатолий Захарович Лубичев

Испытание жизнью

*... И создал БОГ твердь земную...
... И заселил её разными тварями...
... И засадил её множеством растений...
... И напустил на неё несметное количество
видимых и невидимых организмов...
... И стал ОН изгонять из РАЯ бессмертные души,
нарушившие ВСЕЛЕНСКИЙ ЗАКОН
и не уверовавшие во всеильность ЕГО...
... И постановил ОН лишать их памяти
о прошлой РАЙСКОЙ жизни...
... И во искупление грехов решил ОН
вселять их в тела младенцев,
родившихся на этой тверди...
... И нарёк ОН эту твердь земную именем – Ад...*

© Лубичев А.З., 2020

© «Пробел-2000», 2020

I

С ощущением чистоты и бодрости во всём теле после купания в холодной днепровской воде Лена поднималась по еле заметной тропке вверх по косогору к хутору. Она испытывала приятные чувства от ласкового прикосновения травинки к босым ногам и от тепла, исходящего от прогретой солнцем земли.

С середины косогора и выше справа и слева от тропы, словно коврами покрыв землю, разрослась земляника. Песчаная почва и солнечная сторона создавали идеальные условия для роста и созревания ягод, которые из-за большого их количества окрасили склон в розовый цвет. Они словно манили девочку к себе, и она то и дело останавливалась и, собрав ягоды в ладонь, опрокидывала их в рот, наслаждаясь неповторимым ароматом и вкусом.

Радостные ожидания вечера наполняли душу Лены: во-первых, репетиция в драматическом кружке новой пьесы и, во-вторых, ещё одна встреча с Павлом Аносовым, вожак комсомольской ячейки, к которому она испытывала большую симпатию. Он сплотил вокруг себя большую группу подростков и, подготовив «агитки», они ездили по окрестным деревням повышать политический уровень ряда несознательных крестьян.

Елена была совсем рядом с хуторским двором, огороженным тесовым забором, когда из открывшейся калитки вышел отец, неся под мышкой тюк ситца, а за ним и мать, которая пыталась вырвать у него материю. Она ухватила за край ситца и тянула, надеясь остановить мужа.

Поняв, что у отца очередной запой, Лена поспешила навстречу:

– Пап, мам, вы куда собрались? Уж скоро вечерить. Пап, давай я помогу тебе, ведь неудобно.

– Доча?! Доча, любимая моя доча. Ты ж у меня самая умная и самая красивая. Помоги, помоги отцу...

– Куды направились? Я могу с вами пойти?

– Доча, ну что это такое «куды»? Ты не должна говорить, подражая этим деревенским неучам. В тебе может дворянская кровь течёт. А, что? – повернул он голову к жене, – Народ зря болтать не будет. Ты должна быть образованной, воспитанной и культурной, и вообще...

– Я поняла. И, куда вы с матушкой направляетесь?

– Так, в лавку, доча, в лавку. Дорогая моя жёнушка, твоя мать, видишь ли, деньги спрятала, так, я вот решил обменять это, – отец потряс ситцем, – на рюмочку, другую.

– Зазря идёте. Я с речки. Видела лавочника со всем семейством на броду. Днепр переходили. Разряженные такие. В сторону Болушево пошли. Может в гости к кому. Свадьба может или ещё, какой праздник. Зазря пройдёте.

– Да? Через Днепр? Вброд? Видела? Жаль... Спасибо, Доча. Умница, доча, умница... – Какой красивый ситец! Вот бы нам такой... На занавески, в наш драмкружок, сцену отгородить.

– Доча, в театре нет занавесок. В театре занавес. Я обязательно должен вас всех свозить в настоящий московский театр. Огни, музыка, красиво одетые люди на сцене и в зале. А, само представление!.. Зимой обязательно отправимся. Бери, доча, для тебя, для твоего театра ничего не жаль, ничего...

Он свернул с дороги и, подойдя к ближайшей копне, рухнул на мягкую постель из свежескошенного сена и уснул.

– Лена, ты придумала про лавочника, да?

– Нет. Не придумала.

– Лена!? – мать строго испытующе посмотрела на дочь.

Щёки Лены порозовели. Она слегка наклонила голову и еле заметно кивнула.

– Нехорошо обманывать родителей. Всех плохо, а родителей особенно грешно, – и мать несколько раз перекрестилась.

– Я больше не буду.

– Ну и хорошо, ну и хорошо. Ты иди, я побуду с ним, пока ни проспится, а ты иди. Иди домой.

– У меня сегодня занятия в драмкружке. Можно я сегодня припозднюсь? У нас главная репетиция. Это отнести положить на место?

– Да, что уж там. Раз батька сказал – бери, а то запилит потом меня. Он хоть какой пьяный, а всё помнит. Бери, чего уж.

Елена, обхватив двумя руками тук ситца, быстро зашагала в сторону деревни Нестеровки.

Занятия драматического кружка проходили в коридоре школы, в бывшей усадьбе Вольских. В глухом его конце был собран помост, что-то на вроде сцены, на котором и показывали своё театральное искусство члены кружка.

Девчата запрыгали от радости, увидев столько материи, а ребята шупали и с деловым видом хвалили:

– Хорош ситчик.

– Крепкий.

– Хорош, ничего не скажешь.

– Какой красивый, – вторили девчата:

– Вот занавески будут, просто сказочные.

– Не занавески, а занавес, – поправила их Лена, вспомнив слова отца.

– Правильно. В нашем театре тоже будет занавес, – начальственным голосом произнёс

Павел Аносов.

– Репетиция отменяется. Вам девчата поручение, беритесь за шитьё, а ребята натянут верёвки. Я покажу, как сделать, что б за верёвки тянуть и раскрывать занавес.

– Ужас – сколько материи. Нам можить и на сарафаны для выступления хватить.

– Маша, в какой школе тебя учили, и в какой книге ты видела, что б так писали, как ты говоришь? У нас в кружке не должно быть такой речи. Мы должны быть людьми образованными. Представь себе: ты, Маша, выходишь на сцену играть роль образованной девушки или французской революционерки... Да, да, Маша, могут быть и такие роли... и вдруг зрители слышат: «ужас», «сколько», «можить», «выступления» и прочее, вроде «нямного», и что будет? Ты играешь трагическую роль, а зрители хохочут. Того кто будить... – девчата хихикнули, – Будет, – поправился Павел, краснея, – Будет так говорить, исключу из кружка, – и Аносов пригрозил девушке указательным пальцем.

– Конечно, хватит, – подчёркнуто чётко выговаривая каждую букву, заявила Оля Гаврилова, – Можить даже и на рубахи ребятам. Будем усе, как артисты у адинаковом.

– Оля, ну для кого я только сейчас говорил, а ты опять: «У адинаковом».

– Паш, ну, нет возможности так у раз перевчиться. У школе сколь лет грамоте учуть?

– Генеральная репетиция в следующую среду. Кто не будет «первучиваться» ролей не получит, – объявил Павел, глядя в свою тетрадь. И, скорее делая вид, чем это было в действительности, обвёл всех строгим взглядом, – Смотрите у меня!...

Молодёжь гурьбой высыпала на крыльцо школы, сопровождаемая недовольным ворчанием школьного сторожа деда Архипа.

До перекрёстка шли вместе, горячо обсуждая, каким настоящим будет их театр, в занавесах и декорациях, несколько керосиновых ламп осветят сцену, а они в новых театральных костюмах.

– Всё хорошо, но без музыки театр – не театр. – Павел задумался. – Вот что. Задание всем: ищем гармонистов, гитаристов, балалаечников ну и...

– А, у меня дядька, ужась как здорово, на ложках играть. – встряла Маша.

– На ложках, верно, ты здорово играешь? Во какие щёчки наела! – пошутил один из парней и ткнул пальцем Маше в щёку.

– Щёки как щёки, – совсем не обиделась Маша, – Многим даже очень нравятся.

– Ложки не подходят, если только, как отдельным номером пропустить, – заключил Павел и добавил, – В антракте или на концерте. Подумаем...

Быстро стемнело, и только на западе оставался светлый кусочек неба.

Как только дорога зашла в перелесок из зарослей ольхи и ракит, подростки как-то сразу стихли, а затем, когда дорога стала еле видна и совсем умолкли.

Все вздрогнули от неожиданности, когда одна из девчат решила нарушить тишину:

– Вы знаете, к нам в Глушково провели по столбам провода, прямо в правление, и теперь из сельсовета можно будет позвонить в Холм, а может даже в Москву.

– Тоже мне новость. Столбы уж месяц, как стоят, – вступила в разговор Маша.

– Ну, держись теперь председатель. Замучат звонками из района, – Коля Хорьков споткнулся о торчащий из земли корень, и смачно выругавшись продолжил, – Замучат командами да указаниями, задёргают кароча.

– Усё равно, это так интjресно по проводам говорить, ужась как интjресно. Ишшо скажу, что можно послушать как разговоры по проводам бjгут. Когда мы с батjкой-то шли у Холм, он мне подсказал, шоб я приложила ухо к столбу. И взаправду... Прислонила ухо, а там музыку играют, как песню, только не понять какую. Я таперича, как иду мимо столба, обняму его крепко – крепко, приложу ухо к нему и слушаю. Как же интjресно...

– Ня столб, ты Нюра, наверно обнимаешь, а Мишку Стряшнова. Видел я, как ты на танцах в клубе на День колхозника прижалась к нему, а ён тебе на ушко чтой-то шептал.

– Ты, чо, Коленька, ни влюбился ли в мяня. Рjвнуешь?

– А, можа и так.

Если бы появилась луна, то даже при её свете, можно было бы увидеть, как покраснели щёки Николая.

– Знаш чо, Колька, не бряши. Это он меня прижимал. Танцевать ня вмеить, только прижимать и можить.

У перекрёстка Лена остановилась, – Прощевайте. Вам налево, мне направо.

– Пойдём с нами. Тjмно. Страшно одной-то.

– Не. Больно крюк большой делать придётся.

– Я с тобой пойду. Мне до Гришково всё равно, как идти, что слева, что справа, – произнёс Павел, словно оправдываясь.

– И я с вами, – заявил Николай, – Втроем веселее.

– Ты лучше девчат весели, а мы уж, как-нибудь, без тебя дойдём, – и Лена натянула козырёк кепки ему на глаза.

Лена и Павел шли молча. Некоторое время ещё был слышен говор и смех, затем всё стихло. Всеобъемлющая ночная тишина словно обволокла их. Ни малейшего дуновения ветерка, ни стрёкота кузнечиков, ни пения птиц, ни треска сучьев. Ощущение такое будто у них наступила полная глухота.

Луна ещё не взошла, и только звёзды на небе да светлячки по двум сторонам еле заметной в темноте дороги мерцающими огоньками рассыпались в пространстве.

– Лен, погоди минутку, – и Павел словно растворился в темноте.

Ждать пришлось не долго. Он появился перед Леной, держа в руке веточку, которая была усыпана огоньками светлячков. Когда он опустил веточку пониже, то дорога перед ними осветилась этим своеобразным факелом.

Когда до хутора оставалось не больше сотни метров, Лена попросила Павла дальше не идти:

– Не дай бог меня увидят с парнем в такое время.

На самом деле, она просто не хотела, чтобы он увидел спящего в копне отца.

– До воскресенья, – и Павел протянул ей веточку с огоньками.

– Я отпущу их на волю, пускай живут, – и Лена аккуратно положила веточку в траву. –

До воскресенья.

Елена подошла к копне, где вечером оставила родителей, но никого не застала. «Видно батя промёрз и быстро проспался» – это была хорошая примета, – «Значит, завтра в доме будет мирно и спокойно».

II

В районном центре, в городе Холм – Жирковский, ежегодно в июне проходила ярмарка. На ярмарку съезжались продавцы и покупатели не только из деревень района, но и из других районов Смоленской области и не только Смоленской.

Основные торги проходили на большой поляне перед бывшей усадьбой помещика.

Во время ярмарки все улицы и переулки были заставлены подводами и упряжками. Петру Сергеевичу Сергееву с трудом удалось втиснуть свою упряжку на свободное место между двумя домами. Разнуздав коня, повесив ему на морду торбу с овсом, и, набросив вожжи на ближайший тын, он и его сын Захар стали пробираться между подводами к месту основной торговли, по пути не забывая прицениваться к товарам.

Чего только не было на ярмарке. Всё, что производилось крестьянами и ремесленниками, артелями и кооперативами, появившимися уже колхозами, можно было здесь найти. Конечно, ассортимент товаров был не настолько разнообразен, как до первой мировой войны или во времена НЭПа, но тоже впечатлял.

Главной целью Петра были кони, поэтому он с сыном всё ближе и ближе продвигался в сторону загона для лошадей, выставленных на продажу. Конезаводчики поочерёдно водили по кругу своих питомцев, демонстрируя все их достоинства.

– Пётр Сергеевич, рад тебя видеть в добром здравии! – заметив, поприветствовал его опрятно одетый коренастый мужчина с аккуратно подстриженной бородой и усами. Подойдя, обнял.

– Я тоже очень рад повидать тебя, Дмитрий Ефимович. Хорошего человека встретить – к удачной покупке.

– А, это кто рядом? Сын? Как звать – величать тебя парень?

– Захар.

– Захар Петрович, значит. Совсем взрослый. На девчат, поди, заглядываешься? Интересуетесь конями, Пётр Сергеевич, или так приглядеть что? Я, Пётр Сергеевич люблю коней и готов с удовольствием купить понравившегося мне коня, но из-за нецелесообразности такой покупки не делаю этого. Хожу и люблюсь прекрасными этими животными.

– Мы пришли, правду сказать, и посмотреть, но основная наша цель – купить. Захару исполнилось восемнадцать, это мой старший сын. Я хочу сделать ему подарок, а лучшего подарка для крестьянина, чем хороший конь, нет.

– Я не знаю, Пётр Сергеевич, по средствам ли это вам будет... Приглядел тут кобылку, трёхлетку, орловской породы, кстати призёр бегах, что проходили в Смоленске. Пойду к продавцу, попрошу, что бы вывел её. Замечательная кобылка.

Через некоторое время он вернулся, а на середину загона вывели красавицу лошадь. Рысачка сразу привлекла к себе внимание, стоящих у загона людей.

– Для телеги эта лошадка не годится, что верно, то верно, можно конечно и грузы возить, но не для этого она предназначена. Запряги её в лёгкую пролётку или коляску, она всем лошадкам фору даст, какие есть в округе, погонять не надо. Идёт рысью хоть двадцать вёрст, а уж если припугнуть кнутом, то летит как птица, и ход плавный, словно в лодке плывёшь. Сам бы купил, Пётр Сергеевич, если бы не было у меня уже пары отличных коней для упряжки.

Торговались не долго. Продавец сбросил значительную сумму, и сделка состоялась.

Когда Сергеев расплатился, конезаводчик вывел лошадь из загона и передал в руки Захару поводья.

– Запоминай: зовут её Ночка. Держи документ. Сохраняй. Это всё ж «чистокровка». В пакете листочек с рекомендациями, желательно выполнять, что б лошадь не потеряла форму.

С этим документом ты полноправно можешь принимать участие в бегах и даже зарабатывать деньги.

У Захара сердце готово было выпрыгнуть из груди. О таком подарке и не мечталось.

– Что эта за лошадь, Захар, поймаешь, когда проедешь в седле. – Дмитрий Щербаков ласково погладил грудь лошади. – Ты возлюбишь эту породу. Сидишь на ней, и будто кто-то несёт тебя на руках. Но главное, не поспорю, достоинство её ходить в лёгкой упряжке. Не пожалеем, что приобрели такую красавицу. По – хорошему завидую. Сам бы купил, да денег маловато, – и он подмигнул Петру Сергеевичу.

– У меня имеются другие рысаки, дешевле и не плохие, могу вам порекомендовать, тоже орловской породы. С удовольствием пригоню нескольких прямо к Вашей усадьбе, на выбор, – тут же предложил продавец, услышав слова Щербакова.

– Спасибо, но такой, я думаю, больше нет.

– Да, Вы, правы. Такой нет.

– А не пойти ли нам, Пётр Сергеевич, куда ни-то посидеть. Покупочку вашу с сыном обмыть, да побеседовать за рюмочкой о делах, о жизни. Как ты на это смотришь?

– Я не против, только Захару рановато в рюмочку заглядывать. Сделаем так. Я помогу ему выбраться из города через всё это столпотворение. Тогда можно и по рюмочке.

– Значиться так. Выбирать особо не приходится. Предлагаю посетить нашу кооперативную закусочную. Заведение – ни весть, какое, но там меня знают и уважают и обслуживают в лучшем виде. Жду тебя там, это рядом с почтой, ты знаешь где. Смотри вывеску. Жду.

Выехать из центра города на коляске оказалось ни так-то просто. Потеряв уйму времени, и наконец, выбравшись за город, Пётр привязал купленную лошадь позади коляски.

– Ты, Захар, не гони. Не дай бог взбрыкивать начнёт да, повредится. Не спеши. Поставишь в стойло, где наш Гнедой стоял, только сначала приברי там. Знаешь, что надо делать. Мамке скажи, задержался, мол, по делу, решить кой – какие вопросы с председателем правления Потребительского кооператива.

– Ладно, скажу, только ты, батя, много не пей.

– Ты мне ещё будешь указывать. Мало мне твоей мамки. Всё, трогай.

Пётр постоял немного, глядя в след уезжающему сыну, и отправился по направлению к почте.

Захар не погонял и не правил, конь сам хорошо знал дорогу домой. Он уселся боком, свесив ноги с коляски так, чтобы видеть свой подарок. Оглядываясь назад, смотрел на Ночку, и душа его наполнялась радостью. Представлял, как будет деревенская молодёжь завидовать ему, когда он проедет по деревне верхом на Ночке, как будут заглядываться на него девчата. Он достал из пакета инструкцию и несколько раз прочитал её, чтобы запомнить каждое слово.

Всю дорогу Захара тревожили сомнения, – «Пройдёт ли Ночка через ворота в скотник, они такие низкие. Что тогда делать? Придётся дожидаться отца».

Захар раскрыл притворы и подвёл лошадь. Ворота действительно оказались для Ночки малы по высоте. Пока Захар расстроившись соображал, как увеличить высоту ворот, Ночка, пригнув голову и присев к земле, прошла внутрь, точно так, как это делаю собаки и кошки, пролезая в окошечко внизу двери. «Видать, часто приходилось ей проделывать это», – заключил для себя Захар. Он поставил Ночку в стойло, которое заранее ещё вчера почистил и застелил соломой. Перекрыл стойло жердью, приспособленной для этого, и долго ещё стоял и смотрел на лошадь пока ни стемнело. Подсыпал в кормушку овса. Положил перед Ночкой охапку свежескошенного клевера, и долго ещё смотрел на неё, не желая расставаться.

III

Артельные, закончив ремонтные работы в театре МХАТ, ожидали десятника с заработанными деньгами и собирались к отъезду домой. В их числе был Пётр Сергеевич Сергеев. Они, как говорится, уже сидели на вещах, когда пришёл десятник.

– Мужики, выручайте, не подведите, надо задержаться на недельку. Срочный государственный заказ – выполнить ремонт лестницы в Кремле: изготовить по размеру мраморные ступени и заменить несколько штук старых, треснувших и изношенных. Работы немного, не больше чем на неделю. Выручайте, мужики. Если выполним заказ, на следующий год работы будет по горло.

– Мне, например, надо спешить. Пахота на носу. И потом я последний год трудился, мне о будущем годе думать не приходится, – Пётр постучал себя по груди, – Всё здоровье своё сгубил на этой работе, дыхание каменной пылью забито. И ещё скажу тебе, прежде чем просить задержаться, заработанное отдай, а мы уж подумаем.

– Правильно говорит Сергеич!

– Верно! Рассчитаться бы надо.

– Знаем мы твою неделю!

– Конечно, конечно. Вот ваша зарплата. Делите сами по совести и по труду, – десятник протянул Петру увесистую пачку ассигнаций.

Мужики довольные стали обсуждать предложение десятника.

– Так значица, – выступил старший из них, – Согласные мы, ежели хорошо заплатишь. И работы чтоб не боле, чем на две недели.

– Разумеется, заплачу. В тройне заплачу. Будет работа спориться, может и раньше, чем за две недели, справитесь.

Работы намечалось провести в главном Кремлёвском дворце.

Рано утром десятник принёс пропуска в Кремль. Через час артельщики уже стояли у дверей парадного входа в Кремлёвский дворец с инструментом и узлами с рабочей одеждой.

Часовой, стоявший у входа, преградил им винтовкой дорогу:

– Нельзя сюда!

– Мы работать направлены. В пропусках указано: Главный Кремлёвский дворец.

– Мне такой команды не было. Идите к коменданту Кремля.

Комендант, полковник НКВД, кроме пропусков потребовал от всех паспорта. Внимательно изучив каждый документ и задав некоторым артельщикам несколько вопросов: о месте постоянного проживания, о происхождении, об их отношении к политике, проводимой партией, и другие. В результате заявил двум из прибывших, что не может допустить их к такой ответственной работе, и предложил покинуть территорию Кремля. Особенно долго он разглядывал документы Петра Сергеева:

– Из крестьян будешь? Как среди артельщиков оказался?

– Так уж получилось. В германском плену обучился этой работе. Из плена бежал. Тут революция, Гражданская война случилась. Я через Украину перебрался на Дон. За белых воевать не захотел и перебрался на родину в Смоленскую область. Надо было на что-то восстанавливать хозяйство, вот и пошёл к артельщикам.

– За белых не хотел. А за красных что ж?

– Да как то не получилось. Пока здесь семью устраивал, так и война закончилась.

Тоже можешь быть свободен. Тебе с твоей анкетой здесь делать нечего.

Мужики зашумели и в один голос начали убеждать коменданта, что без Сергеева никакой работы не получится.

– Он у нас самый главный разметчик и подборщик фактуры, без него никак. Тоже самое подтвердил подошедший десятник и попросил коменданта под свою ответственность допустить Сергеева к работе.

Комендант молча, внимательно ещё раз всех осмотрел:

– Прежде чем мы пойдём на место, зарубите себе на носу, с просьбами и с жалобами к членам правительства не приставать. Самим в разговоры не напрашиваться. Отвечать кратко без своих умозаключений. Если выяснится, что вы не поддерживаете линию партии, то небо вам покажется в копеечку. Ясно, надеюсь! Идите за мной.

Он лично провёл артельщиков внутрь двorca и уходя погрозил пальцем:

– Смотрите у меня!

Войдя внутрь, артельщики оторопели от красоты отделки и убранства внутренних помещений и даже засомневались, сможет ли их работа соответствовать этому.

Заметив на лицах артельщиков сомнение, десятник поспешил их успокоить:

– Будьте уверены. Справитесь. Работа обычная и хорошо знакомая.

Он распределил работу среди артельщиков с учётом их возможностей. Петру и его подручному Емельяну было поручено изготовить и заменить несколько лестничных ступеней на главной лестнице.

Работа спорилась. По лестнице очень редко кто-либо проходил, поэтому работе артельщиков особо не мешали.

Иногда Емельян толкал Петра и кивком головы предлагал взглянуть на проходящего мимо человека, чьи портреты частенько печатались в газетах. Пётр цыкал на него, но всё ж краем глаза разглядывал проходящего члена правительства, когда ещё удастся такое. Через несколько дней «десятник», видя, что Пётр вполне справляется один, отправил Емельяна на другую работу.

Пётр в очередной раз прилаживал одну из готовых мраморных ступеней, когда за спиной прозвучал тихий голос:

– Харашо работаете... товарищ... со знанием дела... Многим у нас... не хватает... именно этого.

Слова произносились негромко с расстановкой, что заставляло прислушиваться и внимательнее относиться к сказанному.

– Кто такой будете?... Рабочий?

– Пётр Сергеев, артельщик. Я вообще-то из крестьян, а с артелью зимой подрабатываю. Вот артелью сообща значит трудимся.

– А скажите, товарищ, Сергеев... как это Вам... крестьянину... вдруг удалось освоить... такое трудное... я бы сказал... совсем необычное для крестьянина... ремесло?

Пётр прекратил работу, сел на уже установленную ступеньку и, приподняв глаза вверх, обомлел, но опомнившись тут же быстро поднялся. Оказалось так, что он стал на много выше человека напротив, поэтому растерялся и не мог сообразить, как выйти из этой ситуации.

– Сидите, отдыхайте... Не люблю раболепия... Не наш это обычай... Не советский...

– Разрешите, я закурю, Иосиф Виссарионович. Надеюсь, меня не накажут.

– Курите, товарищ... С Вашего разрешения... я тоже присяду... и закурю.

Сталин сел рядом на ступень. Пётр достал из кармана фартука кисет.

– Спрячьте... Свои потом покурите.

Сталин достал из кармана френча военного образца коробку папирос «Герцеговина Флор», раскрыл и протянул Петру.

Пётр аккуратно взял одну папиросу. Сталин достал из другого кармана трубку и стал набивать табаком из папирос, ломая их. Затем протянул коробку с оставшимися папиросами Петру:

– Возьмите... У меня ещё имеются... Теперь... если накажут Вас... то вместе... со Сталиным.

Пётр достал коробку спичек и прикурил папиросу:

– Никогда ни курил таких папирос.

Сталин некоторое время раскуривал трубку. Раскурив изредка её потягивал и молчал, глядя куда-то в пространство.

Пётр первый нарушил молчание:

– Я, товарищ Сталин... Я, Иосиф Виссарионович, освоил это дело в австрийском плену во время войны с Германией. Несколько пленных и меня в том числе направили работать на гранитную фабрику, там и обучился. Вот, и пригодилось умение-то.

– Как же так?.. Присягу нарушили... товарищ Сергеев?

– Присяги не нарушал. В этом не повинен. Наш полк попал в окружение. Сражались, пока ни закончились боеприпасы. Командование приказало прекратить сопротивление. А потом кому присягу-то давали – царю.

– А, скажите... товарищ... Сергеев... Вы в колхоз... вступили?

– Нет, Иосиф Виссарионович, в нашей деревне колхоз ещё не создан, а потом меня всё равно не примут. Я не крестьянин, не рабочий, да и зажиточным считаю. Хотя, какой я зажиточный. Благодаря этой работе имею, конечно, лишнюю копеечку, но заработанную всё ж честным трудом.

– Какая... причина... что затянули так... с колхозами?.. Плохо... работает... ваш райком... и райсовет...

– Причина такая. Насмотрелись наши крестьяне на мытарства соседей, где была создана коммуна. Четыре деревни, значит, свезли всё своё хозяйство в одну деревню. Всё общее. Работали, кто как хотел. Руководства настоящего не было. Дожили за один год до ручки, как говорится, и разбежались, расхватав всё, что не проели. Насмотрелись. Райком что?.. Он несколько раз сход собирал. Агитировал и припугивал, но никак не уговорил. Я, что скажу, пока настоящие хозяева из середняков, знающие крестьянские нужды, ни вступят, не будет колхоза. Вступят, так за ними и все остальные пойдут.

– Спасибо за беседу... товарищ... В колхоз вступайте... Партия... всё обдумала... Только коллективный труд... поможет... высоко развить... наше... сельское хозяйство... Примут... Ведь... власть наша... рабоче-крестьянская... Вы... товарищ... напомните им об этом... Как бы противники... коллективизации... ни мешали... партия большевиков... выполнит... намеченный план... развития страны... а с ними... мы разберёмся... Прощайте... рабочий – крестьянин... Сергеев... Добра... и благополучия... Вашему дому... В колхоз... вступайте... и другим... посоветуйте... Плохо... быть наполовину рабочим... и наполовину крестьянином... нужно быть... стопроцентным рабочим... или колхозником.

Они одновременно поднялись со ступеней. Сталин, поднимаясь вверх по лестнице, ещё раз повторил:

– Партия... разберётся...

Работы в Кремле закончили за день до Пасхи. Артельщики собирали свои вещи, когда неожиданно пришёл «десятник»:

– Идите в финчасть за премией. Премию вам выписали. Да... Ещё вот талоны возьмите на продуктовые наборы. Получите в ГУМе, в спецсекции.

Премия оказалась существенной, аж пятьсот рублей, но более всего удивил набор продуктов, некоторые из которых были неведомы артельщикам. Баночки чёрной и красной икры,

консервированные крабы, сайра, печень трески и шпроты, увесистый кус севрюги, палка сырокочёной колбасы, три плитки шоколада, пачка чая, коробка конфет и бутылка красного грузинского вина, всё это было аккуратно упаковано в коробку и для удобства добротно перевязано шпагатом.

Отпускающий наборы продавец заявил:

– Только правительство и высшие партийные и советские деятели получают такие наборы.

Окончание сезона работ, как всегда отмечали в ближайшем Подмосковье в доме одного из артельщиков. Гостеприимный хозяин, холостяк, всегда с радушием принимал гостей.

Основным занятием была игра в карты на деньги. Правила были твёрдые, все выделяли на игру по одинаковой сумме, и проигравший эту сумму выбывал из игры. Играли, пока ни останется с приличным выигрышем кто-то один, победивший всех.

На этот раз сумму определили в половину премии. Петру не везло, и он выбыл уже в середине игры, которая продолжалась до самого утра. Победитель послал самого молодого из артельщиков за водкой, обмыть выигрыш. Тут уж напились до полной готовности.

Выспавшись и приведя себя по возможности в нормальный вид, Пётр и несколько попутчиков из артельщиков пошли на ближайшую станцию и на пригородном поезде доехали до Киевского вокзала, а затем на трамвае до Белорусского вокзала.

Поезда ходили редко. Простояв более пяти часов в очереди за билетом на поезд смоленского направления, и ещё прождав на забитом людьми и вещами вокзале ещё восемь часов, Пётр занял место в вагоне.

Вагон был очень старый и вконец изношенный, при движении в нём, что-то скрипело, трещало и стучало. Казалось, того гляди развалится.

Поезд медленно двигался в сторону Смоленска, подолгу задерживаясь на каждой станции. Состав тянул изрядно дымивший паровоз. Время в пути заняло почти семь часов.

Пётр сошёл с поезда сразу после Вязьмы на станции Дурово и ранним утром пересел на рабочий поезд, ходивший по узкоколейке до Владимирского Тупика.

Приехав на станцию Игоревская, Пётр направился по большаку, ведущему в сторону Холм-Жирковского. Заплечный мешок, набитый всевозможными вещами, деревянный сундучок с инструментом и рабочей одеждой да коробка с продуктами составляли достаточно тяжёлую кладь. Присев на сундучок, стал ждать попутный транспорт. Ему повезло, и он довольно быстро остановил подводу, нагруженную мешками с солью. Платы возничий не попросил, кроме как на время дороги обеспечивать его табачком. Пётр взгромоздился со своим скарбом на мешки и склонив голову задремал, прерывая сон только для изготовления самокруток.

В один из перекуров Петра хозяин подводы, не оборачиваясь к нему, спросил:

– Откель и куды путь держишь? Как тебя величать?

– Пётр.

– Так, откель Петро путь держишь и куды, еже ли не секрет?

– Домой в деревню. Это за Днепром. Фелиппово. Слыхал?

– Знамо дело. Тябе повязло, я в Нахимовское еду, как раз мимо твоёй дярвни.

– Еду из Москвы. В зиму там работал. Возвращаюсь, к севу пора готовиться.

– А, я-то из потребкооператива. Соль вязу для засолки сала, капусты, гурцов и прочаго. У нас у коперативи ешшо ни чаво, а тябе я не завидую. Шшо щас деется у нас у районе. Спешно ряшило начальство согнать усех крестьян у колхозы, а тех, хто не согласный, в сновном у каго хозяйство крепкае, записывають в кулаки и приписывають им гитацию пртив вступления в колхоз. Значица супротив гяняральной линии партии. И как врагов советской власти ссылають у Сибирь. На сяле многия папали под эта жорнова. У некоторых колхозах додумались до того,

шо и тех колхозников, хто не соглашалси с ряшением колхозного начальства, тоже сключали с колхозу и записывали в подкулачники.

Пётр слушая, молчал. Слова мужика навели его на мысль, что это он возможно виновен в происходящем. Зачем он так разоткровенничался перед Сталиным. Неужели то, что он услышал от меня, имело такие последствия. «Какие ещё пакости придумает эта народная власть», – Пётр нащупал в боковом кармане пальто коробку, подарок Сталина. Достал её и хотел выбросить, но вспомнил, что в ней лежит важный документ, и передумал. «Жаль выбрасывать такую красоту да ещё с папиросами. Что добру пропадать», – и Пётр убрал коробку обратно в карман, – «Будет, чем похвалиться перед мужиками. Всё ж сталинский подарок. Всё-таки нехорошая личность оказывается этот наш вождь, если всё так и есть, как я думаю».

– Ко мне кум приехал, он по Волге плавал на барже в прошлом году, рассказывать, на каждой пристани люди стоять милостыню просят, шо б подали шо из съестного. В колхозы всех поголовно согнали, а тут тебе засуха, неурожай. Запасов у колхозе никаких нету, всё государству сдают. Это не то шо у свободного хозяина усегда про чёрный день храняться кой-какие запасы. Шо и говорить, глупые, я даже прибавил бы пряступные люди страной правють. Но только я тебе, Пятро, этага не говорил. Мiane ешшо на свободе пожить хочитца.

Дорога в основном шла через лес и ещё не просохла. От талого снега местами стояли глубокие грязные лужи. Пара лошадей иногда с большим трудом преодолевала очередное препятствие.

Когда лес закончился, впереди замаячила деревня, через неё и проходила дорога.

Пётр попросил Ивана, так звали возничего, остановить лошадей у колодца.

Он совсем забыл просьбу жены привезти из Москвы святую воду и теперь решил как-то выйти из положения. Он развязал мешок и достал бутылку водки.

– А, что, Ваня, ни хлопнуть ли нам за моё возвращение по стаканчику, да душу отогреть после таких дел.

– Да, дяла хужей некуда. Мы у коперативи усё гадаим, иде будем брать сырьё да товары. С колхозов шиш шо получишь. А?.

Распечатав зубами бутылку, Пётр выплюнул сургуч и бумажную пробку:

– Закусить бы чем...

– Имеем чем, – Иван достал из холщёвого узелка, лежавшего под сеном, на котором он сидел, солёный огурец, два яйца, луковицу и краюху ржаного хлеба, – Вот и закус, шо можить быть лучча...

Они делали по несколько глотков, заедая каждую порцию спиртного.

– Надо допивать, – сказал изрядно уже захмелевший Пётр, – Жалко выливать.

– Зачем выливать. На. Из газетки пробочку сделай, заткни. Дома допьёшь с похмелля-то.

Пётр покачал головой:

– Не. Воду мне надо налить. Очень надо, а то домой не пустят.

И они дружно dokonчили остатки водки.

Колодец был глубокий. Подняв с помощью ворота ведро, Пётр прежде всего отпил из него. Вода оказалась очень холодной, чистой и приятной на вкус. Петр опустил бутылку в ведро, и вода забулькала, заполняя её.

От моста, как всегда, Пётр шёл пешком вдоль Днепра по краю поля, которое уже ожидало приложения крестьянского труда.

Его семейство было в полном сборе. На столе стояло блюдо с куличём, вокруг которого лежали крашенные в луковой шелухе яйца. Ульяна разливала из самовара чай, заваренный травами.

Когда Пётр вошёл в горницу, все повскакивали с лавок и подбежали к нему, чтобы обнять и прижаться к родному человеку. Но прежде каждый произносил: «Христос воскрес». Пётр отвечал: «Воистину воскрес» и трижды целовал их в щёки. Он сбросил с плеч пальто и положил на сундук. Сев на скамью у печи, снял сапоги со следами не отмытой грязи и одел лапти, поставленные рядом Ульяной.

– Захар, принеси мои вещи. Я в сенях оставил.

Поставив перед собой коробку и мешок, Пётр начал раздавать подарки:

– Тебе, Уля, платок, – он достал цветастый с кистями платок.

– А, мне? – не выдержала дочь.

– Тебе, Дуняш, маниста и зеркальце.

Дуня схватила манисты и накрутив их на шею подбежала к зеркалу, висевшему на стене:

– Красота-то какая! Спасибо, папка. Девки обзавидуютца.

– Григорий, держи кепку и складной нож со всевозможными приспособлениями, ты давно просил.

– Спасибо, батя, – Григорий расправил немного помятую кепку и погрузился в изучение ножа.

Пётр вынул из мешка свёрток:

– Твой подарок, Захар. Тройка. Из отличного сукна. На себя мерил. Мы вроде как схожи по конституции. Еже ли что, мать поправит, где надо подгонит. Не гоже тебе ехать свататься в деревенском.

– Свататься?

– Решил я тебя оженить и невесту нашёл, Ленку Щербакову. Знаешь её? Подходит она тебе?

– Знаю. Много раз видел в клубе. Ихний кружок разные представления устраивает. Красивая... Согласится ли за меня выйти?

– Это уж ты постарайся. В кружок к ним запишись.

– Меня приглашали на гармошке играть. Хор образовался. Ленка тоже в нём поёт.

– Хорошо. Покажи себя с лутчей стороны. Заступись, если кто обижает. Я, когда за мать заступился, она потом глаз с меня не сводила.

– Прямо уж не сводила. Можить это я тебя тожить завлекала. Отца слушай он дело говорить.

– Да чо, я согласный. Только она девка боевая, её не очень-то обидишь.

– Договорились. Закончим пахоту и поедем сватами к Александре Щербаковой на смотрины ёйной дочки. А ты Захар постарайся понравиться будущей жене. Сосватаем тебе невесту и осенью свадебку сыграем... Ну а теперь я устрою вам настоящий праздник, – Пётр не спеша аккуратно развязал шпагат, обматывавший коробку с продуктами, и смотал его в клубок:

– Пригодится по хозяйству. Подходите, берите и ставьте на стол.

Вскоре на столе оказалось всё содержимое коробки. Все с любопытством разглядывали, вертели в руках, нюхали угощения, из которых многое они никогда не видели.

– Хорош подарок от правительства мне за труд мой!

– Так хочется всё покушать, – Дуня уселась за стол в ожидании.

– Всё будем и пробовать, и есть, Дуня, да вином запивать, – и Пётр стал внимательно разглядывать этикетку на бутылке. Но Ульяна категорически возразила:

– Не дам я вам счас съест сразу всё. И без вина обойдёмся. Чай остывает. А, насчёт выпить, ты, Петь, я вижу, уже достаточно приложился к водочке.

– Что есть, то есть, не скрою. Командуйте, как хотите.

– Скомандую так, – Ульяна стала перед столом, раздумывая:

– Вино и конфеты... – она забрала у Дуни коробку, которую та рассматривала, держа в руках и читая всё, что на ней написано, – возьмёте, када поедете обговаривать свадьбу. Банки

и колбаску прибережом до свадьбы. Шоколад отдадим Захару. Пойдёт на свидание, будет, чем угостить Ленку. Девки это любят. Рыбу, жаль долго не пролежит, и всё остальное сейчас съедим, всё-таки Пасха, большой праздник.

Ульяна сложила в фартук банки и колбасу, подошла к буфету, открыла его ключом, убрала всё туда, достала начатую бутылку водки и снова заперла.

– Это нам с тобой, праздник отметить, – она поставила бутылку на стол, – А вот ты, Петя, про мою главную-то просьбу забыл.

– Точно. Забыл, – Пётр поспешно поднял лежащее на сундуке пальто и достал из кармана бутылку с водой заткнутую бумажной пробкой, – Не пролилась, слава богу. Получи, Ульян, что просила.

Ульяна взяла бутылку, вытащила пробку, перекрестилась и приготовилась отпить глоток:

– Фу, водкой пахнеть. Не догадался чистую посудину найти или эту, хотя б сполоснул.

– Сполоснул... Ты что говоришь? Где мне в церкви споласкивать? Святой водой что ли, шоб поп крестом огрел, – после этих слов Петра дети расхохотались, не в силах удержаться от смеха.

– Циц! – пригрозила Ульяна. – Не поп, а батюшка. Безбожник.

Она заставила детей отпить из бутылки по глотку и предварительно трижды перекреститься.

– Почему безбожник? Можить я самый верущий и есь. Можить боле попа твоего верую, – Пётр повернулся в сторону иконы Казанской божьей матери и перекрестился, – Батюшка у меня один, отец мой родной Сергей Парамонович, царствие ему небесное.

Огонёк на лампадке заколебался, придавая образу обманчивые признаки живого человеческого лица.

– А в школе учут, что бога нет, – встряла в разговор Дуня.

– Состарился, померёшь, в ад попадёшь и узнаешь тогда, есть бог или нет, – Ульяна, наливая воду на ладонь, побрызгала во все углы горницы и протянула бутылку Петру, – Испей тож глоток.

– Я уже сегодня пил, – хотел было отказаться Пётр, но внемля просьбе Ульяны всё ж выпил, – Прости господи, – и он трижды перекрестился.

Все уселись за столом, предвкушая праздничный обед.

– Ну, ты мамка и жадна.

– Я, Греша, не жадна. Ко всему надо относитца беряжливо и в еде умеренность знать, а иначе по миру пойдёшь милостыню просить. Вот так-то, сынок. Ты весь в батьку, всё готов растратить или в карты проиграть, не то што Захарка – он в меня.

– Почему проиграть? Держи, – и Пётр достал из-за пазухи перевязанную верёвочкой внушительную пачку денег. – Это называется проиграть? Бери, спрячь, у тебя точно целее будут.

Ульяна, взяв деньги, быстро вышла за дверь.

– Какова баба, даже нам не доверять. Ежели прикинуть, можить и правильно. Чёрные денёчки могут наступить, когда их совсем не ждёшь. И они наступят. Скоро наступят. Верно говорю.

IV

Репетиция драмкружка срывалась, всех комсомольцев направили на агитацию вступления в колхозы и на участие в выселении семей кулаков. Те, что пришли, скучали и лужгали семечки. Вошёл немного запоздавший Захар с гармонью под мышкой. Молодёжь оживилась.

– Давайте устроим вечер танцев!

– Я, Маша, танцев мало знаю. «Завидовку», «Семёновну», «Барыню», а другое всё не танцы – частушки да песни.

– С нас хватить и этага.

Русская гармонь звучала весело и задорно, и это настроение передавалось танцующим. Мелкие ошибки гармониста просто не замечались. Натанцевавшись, из «Некрасова» все шли довольные проведённым вечером.

– Почаще бы так, – и Полина Белова запела частушку, – Захар, подыграй.

– Не, я на ходу не могу, собьюсь. И темно уже, споткнусь ещё.

На развилке Лена попрощалась и пошла одна в сторону «Пантелеева». Сегодня её провожать было некому.

«Если не сейчас, то когда? Будет – ли ещё такой случай», – Захар догнал её:

– Лена!

Она обернулась, вглядываясь в темноту.

– Лена, можно я тебя провожу? Ночь, одной по перелеску идти опасно, вдруг звери какие.

– Как же ты думаешь спасти меня от зверей? Заставишь их танцы танцевать, – Лена расмеялась. Настроение её улучшилось, она действительно очень боялась возвращаться домой одна.

– Тебе ж не по пути. Это три версты лишних топать.

– Ничего, как говоритца, голодному волку и семь вёрст не крюк.

– Бешеному.

– Что бешеному?

– Бешеному волку.

– Да, да, ты права, бешеному.

С каждой минутой темнело, и они ускорили шаг, взявшись из осторожности за руки.

Захар проводил Елену до самых ворот её усадьбы и, перед тем как уйти, достал из кармана шоколадку:

– Это тебе.

– Ой, надо же, спасибо. И вовремя, у меня сегодня день рождения.

– Не знал. Поздравляю.

– Приятное совпадение. Спасибо за подарок.

– Лена, я приглашаю тебя на синемаграф в клуб, в «Холм». Показывают «Броненосец Потёмкин». Пойдём?

– О, бесполезно. Билетов не достать. Мы с девчонками пытались попасть, так и не попали.

– Я билеты достану. Моя тётка, которая живёт в «Холме» работает в клубе заведующей читальней.

– Заеду за тобой в субботу?

– Ладно, заезжай.

Завязался разговор, и они проболтали о том, о сём почти до самого рассвета.

Когда Захар вошёл в избу, мать уже возилась у печи, укладывая с помощью ухвата внутрь дрова.

– Явился полуношник. Иде ш ты пропадал столько? – она оперлась на ухват и приготовилась слушать.

– На репетиции в драмкружке до позна задержался, а потом Ленку Щербакову до хутора провожал. Она боялась одна идти ночью через лес.

– Гляди – ка, провожал, – удивилась Ульяна, – Совсем уж вырос. Ложись, поспи. Отцу скажу, шо б рано не будил.

В избе было прохладно. Захар с головой укутался пуховым одеялом из лоскутов, но, сколько ни пытался, не мог уснуть. Услышав приглушённые разговоры, поднялся с постели и сел завтракать вместе со всеми.

Ульяна поставила на стол большую сковороду яичницы с салом и крынку молока, предварительно размешав его, переливая несколько раз из крынки в кружку и наоборот.

– Какую работу, батя, ты наметил на сегодня? – задал вопрос Григорий, одновременно пытаясь выудить из сковороды деревянной ложкой кусочек жареного сала.

– Хватить болтать, кода жуёшь! – Ульяна стукнула по столу ложкой, – Подависься!

– Работа, Грениа самая простая, но грязная. Будем навоз разбрасывать, что осенью в поле вывезли и не успели до снега весь раскидать. Эта работа очень важна хоть и плохо пахнуть, без неё...

– Нашёл о чём за едой говорить, – прервала мужа Ульяна, – Ешьте побыстрее да собирайтесь, только оденьте шо похужей.

На следующий день распахивали поле за огородом. Захар управлял двумя меринами, запряжёнными в двух-лемеховый плуг, а Пётр управлял плугом, делая короткие остановки для перекура. Григорий ездил по пашне верхом на Ночке, которая таскала за собой две бороны.

Откуда-то прилетевшие чёрные как смоль грачи с жёлтыми носами деловито ходили по распаханному полю вслед за боронами, вытаскивая из земли червячков, жучков, паучков и проросшие зёрнышки, утерянные при уборке прошлогоднего урожая.

V

В субботу к дому Александры Щербаковой, как раз после обеда, подкатила лёгкая двухместная пролётка, запряжённая рысаком.

Денёк выдался погожий и тёплый, не смотря на апрель, по-настоящему летний.

Увидев в окно упряжку, Лена с гордым видом вышла на крыльцо, надеясь, что соседи видят, какой за ней приехал кавалер. Одетая в нарядное платье, с голубой лентой, завязанной искусно в бант, с бусами из мелких разноцветных стеклянных шариков, она показалась Захару красавицей.

Он тоже не ударил в грязь лицом. Приехал на свидание в новом костюме – тройке, а на ногах сверкали до блеска начищенные сапоги.

Когда Лена уселась рядом с Захаром, он достал из кармана билеты:

– Вот, достал. С раннего утра в Холм смотался и купил, даже тётку не просил.

– Если бы даже и не достал. На такой лошадке прокатится одно удовольствие.

Подбежал брат Лены Миша:

– Возьми, – и передал ей аккуратно свёрнутое пальто, – Мамка велела.

Когда подъехали к клубу, до начала сеанса оставалось часа два. Захар привязал Ночку к привязи, специально для этого устроенной рядом с клубом. Лена нарвала на лужайке пучок только-только появившейся травы и стала кормить лошадь, глядя её по шее и приговаривая:

– Хорошая лошадка, умница.

Захар смотрел на них и не мог наглядеться.

– Что Ленка в батраки к подкулачнику нанялась? – Кадашовы, три брата, подошли к ним явно с целью устроить скандал или драку.

Братья погодки, из которых, старшему, исполнилось девятнадцать лет, росли задиристыми и скандальными. Редко какое мероприятие при их присутствии обходилось без драк.

Старший продолжил:

– Што молчишь, аль в невесты записалась?

– К вам, што ль, наниматца, к голи перекатной, за воду с луком работать? И гдей-то ты видишь подкулачников? Пётр Сергеевич настоящий хозяин и к тому же умеет деньги зарабатывать, а ваш батька только и знает, что водку лакать на даромовщинку в своём совете бедноты, да стянуть, што плохо лежить. Забыли, как вам накостиляли некрасовские ребята, ещё хотите получить на пряники. Идите куда шли, кадушки из под говна.

– Ну, ты, поговори ешшо, схлопочешь быстро по роже-то.

– Что ты сказал? – Захар подошёл к старшему из братьев, – Повтори, что ты сказал, полудурок необразованный!

Захар приблизился вплотную к Кадашову.

– И повторю! – и тот размахнулся, что бы ударить Захара, но Захар опередил его ударом меж глаз и ловкой подножкой уложил Кадашова на землю. Через мгновение братья все вместе набросились на него, пытаясь повалить. Захар отбивался, как мог, но силы были не равные. Помогла Лена, она обхватила сзади за шею одного из братьев и оттащила от Захара.

Неизвестно чем бы всё закончилось, если бы ни заведующая клубом, которая пришла открывать входную дверь:

– Прекратите! Ишь, что устроили в культурном месте! Марш отсюда, а то милицию вызову, – и она влепила увесистый подзатыльник одному из Кадашовых.

Драка сразу прекратилась. Братья отошли в сторону, продолжая на расстоянии угрожать:

- Мы с тобой Захар ещё встретимся на узенькой дорожке.
- Идите, идите! Ишь, ещё угрожают. Что я сказала! Что б духу вашего не было! По милиции соскучились!? – и заведующая продолжила уже спокойно, – Я их знаю, то ещё хулиганьё, управы на них нет или ремня хорошего. Вы-то, что в драку кинулись?
- Так они начали. Что было делать? – Захар поднял оторванную пуговицу.

Кадашовы пошли вдоль привязи в сторону продмага. Проходя мимо упряжки, один из братьев размахнулся, чтобы ударить Ночку по морде, но она резко подняла голову и он промахнулся. Удивительное произошло дальше. Ночка ухватила зубами его плечо, и он долго не мог вырваться. Отойдя подальше и держась за больное место, продолжил угрозы:

- Не жить тебе, Захар, на белом свете, а кобылу твою пристрелим!
- Поговорите, поговорите. Я братьям пожалуйюсь, вложат вам ума, – Лена пригрозила Кадашовым кулаком.

Заведующая открыла дверь и прежде чем скрыться за ней предложила:

- Заходите, внутри подождите начала фильма. Они могут вернуться да ещё подмогу приведут.

– Мы здесь побудем, – Захар снял пиджак и стал с сожалением рассматривать наполовину оторванный рукав.

- Воздухом подышим, – Добавила Лена.
- Как знаете.
- Может не пойдём в кино, а то правда придут ещё лошадь угонят или сделают с ней что или с коляской?.. – предложила Лена.
- Вообще-то я смотрел...
- Тем более. «Броненосец Потёмкин» – это наверно про войну.
- Нет, про восстание моряков.
- Один хрен. Я про войну даже книги не люблю читать.

Обратно ехали медленно. Захар отпустил вожжи, предоставив Ночке полную свободу. Она быстро поняла, что хозяин не спешит и пользуясь случаем часто останавливалась, чтобы похрустеть молодой травой у края дороги.

- Лен, ты не забыла, что родители сговаривались насчёт нас в прошлом годе, летом?
- Припоминаю что-то такое.
- И как ты на это смотришь?
- А, ты хочешь меня взять в жёны?
- Если честно, хочу. Ты мне нравишься... очень. Ты не ответила.
- В шестнадцать лет не очень-то охота выскакивать замуж. Но я не могу послушаться и не выполнить волю покойного батюшки. И, если мамка не передумала.
- Сама-то ты как? Я тебе нравлюсь хоть чуток?
- Ты интересный, скромный, и я вижу смелый, в общем хороший человек. Хозяйство у вас крепкое. Лошадка у тебя какая!.. Просто загляденье. Чем ни жених. Как мамка скажет, так и будет... Загрустил, вижу. Не переживай. Нравишься ты мне, – Лена вспомнила Павла, – Может только не так как надо? Не знаю, что и сказать.

– Рукав оторвали и вторую пуговицу не нашёл. Взгряют меня дома за новый-то пиджак.

Лена осмотрела порванное место:

– Ничего страшного, по шву порвалось. Зашить можно, и не заметят. Мы с мамкой зашьём и пуговицы подберём. Придётся к нам зайти. Привыкай к будущей родне, – и она расмеялась.

- Зайдёшь?
- Неудобно как-то, ни с того ни с сего приду.

– Неудобно, знаешь что, штаны через голову одевать.

Некоторое время ехали молча, думая каждый о своём.

– Лена, что мне надо делать, чтобы тебе больше понравится?

– Ничего не надо делать. Просто мне надо поближе тебя узнать. Вообще-то... – Лена улыбнулась, показав красивые ровные зубы, – Уж больно ты стеснительный. Девчата рассказывают, после танцев провожаешь кого, так ни то что поцеловать даже обнять не решаешься.

– Что целовать, если не нравятся. Лишь бы как, я не могу, – Захар неожиданно обнял Лену одной рукой, прижал к себе и поцеловал в щёку.

«Везёт мне на женихов: один комсомолом завлёкся, всё какую-то пятилетку строит и мировую революцию, другой дитя – дитём. А, я, что, не дитё? Куда уж мне замуж. Скажу мамке, пока не будет восемнадцать, пусть не выдаёт», – с лукавой улыбкой Лена посмотрела в глаза Захару:

– Это значит, что я напросилась или взаправду нравлюсь?

Захар не убрал руку, и они ехали так молча, чувствуя тепло друг-друга.

Упряжка остановилась у больших тесовых ворот.

– Неудобно всё – таки, Лен, может, поеду я?

– Опять за своё. Ты к своей будущей жене в гости идёшь, можно сказать будущим хозяином в дом заходишь, – и Лена от души расхохоталась, – Пойдём, уж, жених.

Войдя в горницу, Захар остановился поражённый убранством и чистотой в доме.

Дневной свет, струившийся из трёх больших окон, отражался в большом зеркале и в стёклах шкафов из ореха на высоких изогнутых ножках. Стол также был из ореха. Особенно богато выглядели стулья с мягкими сиденьями и спинками. На одной из стен висел гобелен с изображением озера и красивой деревни. На стене между шкафов висела большая керосиновая лампа.

За маленьким столиком у окна сидел брат Лены, склонившись над листком бумаги, что-то рисуя. У другого окна сидела в кресле Александра и вязала крючком кружева.

Заметив, как от усердия младший брат высунул на бок кончик языка, Лена подошла к нему:

– Смотри, откусишь, – и легонько хлопнула его по губам.

– Не мешай, – отмахнулся от неё Миша.

– Мам, сможем зашить, что б незаметно было? Захар подойди поближе.

– Почему не сможем? Снимай. Это как же ты так, Захар? Жалко. Такой дорогой пиджак. Беречь надо вещи.

– Представляешь, мам, ко мне у клуба братья Кадашovy прицепились и начали доводить, а Захар не побоялся и заступился за меня, хотя их было трое.

– По этим кадашатам давно тюрьма плачет. Зашьём так, что твои и не заметят, – Александра выдвинула один из ящичков, стоящего рядом шкафа, достала лубяной коробочек с нитками и принялась за работу, предварительно отпорвав часть подкладки.

Захар возвращался домой довольный сегодняшним днём, мечтая о свадьбе и о будущей семейной жизни, так, как он её себе представлял при полном отсутствии опыта.

VI

Семейство Петра Сергеевича Сергеева готовилось ко сну, когда перед их домом остановился, грохоча и пуская клубы дыма, легковой автомобиль с открытым верхом. Мужчина в штатском и милиционер направились к крыльцу.

– Ульян, Грентя, кто – ни будь, откройте непрошеным гостям, – Пётр одел пиджак и встав приготовился поприветствовать приехавших.

Мужчина в штатском вошёл с видом хозяина и попросил всех кроме хозяина выйти из комнаты. Когда все ушли, милиционер встал у двери, а мужчина сел, вытащив из-за пояса револьвер, положил его на стол перед собой.

– Садись, Пётр Сергеевич, разговор предстоит серьёзный и от него зависит во многом твоя дальнейшая жизнь и жизнь твоих близких.

Ещё не садясь за стол напротив гостя, Пётр уже догадывался, о чём будет речь.

– Ко мне, как уполномоченному райкома по делам коллективизации и колхозного строительства, поступила бумага от Филипповского Сельского Совета об отнесении вас к подкулачникам. Кроме этого мне передано решение о конфискации вашего хозяйства и выселении всей семьи на неосвоенные земли Сибири.

– Я не знаю, что там удумал Совет, но к подкулачникам и тем более к кулакам меня относить не справедливо и глупо. Какой я подкулачник? Хозяйство справное, но небольшое. А что богаче других живу верно. Позволяю себе жить так, потому, что я по полгода работаю в городе и хорошо зарабатываю. Завидуют, вот, и принимают такие решения, что б моё нажитое прибрать к рукам.

– Откуда ваше богатство я не собираюсь выяснять.

– Это совсем не трудно, – Пётр достал из сундука коробку папирос «Герцеговина флор», – Подарок Иосифа Виссарионовича Сталина. – произнёс он, как бы невзначай. – Берегу, как память. А эта бумажка – справка с благодарностью, за подписью начальника хозяйственной части Кремля и коменданта Кремля.

«Хорошо, что не успел пустить на самокрутки», подумал Пётр, разворачивая многократно сложенный листок.

Уполномоченный несколько раз прочитал справку:

– Представляешь, товарищ Кротов, – обратился он к милиционеру, – Не проверив, человека подвести под раскулачивание. Выслужиться перед районом хотят. В передовики рвутся. И что теперь с этим можно поделаться? Пётр Сергеевич, – изменил тон разговора уполномоченный, – Я надеюсь, что смогу убедить сельский совет принять другое решение. Но Вы тоже должны подумать. Страна развивается огромными темпами. За колхозами будущее. Как бы Вы ни противились, никуда Вам не деться кроме колхоза. Рано или поздно придётся вступить. Бумажку эту храните, она Вас ещё не раз защитит сможет, да и меня от необоснованных кляуз. Пётр Сергеевич, в связи с вскрывшимися обстоятельствами я вполне официально ещё раз обещаю защитить Вас от нападков Сельсовета. Но прислушайтесь ко мне, пройдёт время и ни какая бумага Вас не защитит, придётся выбирать или колхоз или гонение на вашу семью. Предлагаю следующее: в этот четверг я в очередной раз собираю сход. Было бы очень хорошо, чтобы Вы первый высказались за вступление в колхоз и других бы сагитировали. Я знаю, что Ваше мнение, Пётр Сергеевич, крестьяне определённо уважают и прислушаются к нему. Подумайте, время есть, почти неделя. Сход назначен на девятнадцать часов, и проходить будет в избе-читальне в Глушково. Райком планирует создать колхоз из четырёх деревень. Туда войдут крестьянские хозяйства из Филиппово, Глушково, Гришково и Федуркино. Деревни расположены компактно, легко будут управляться. В правление колхоза я лично порекомендую

включить Вас Пётр Сергеевич. Подумайте. Это Ваш шанс выйти победителем из этой ситуации. Надеюсь увидеться второго мая на сходе, очень надеюсь. До свидания. Думайте.

Вся семья обступила Петра сразу после ухода уполномоченного.

– К раскулачиванию нас подписали. Во как! Ну и сельсовет, сволочи завистливые! Притеснять не будут, если вступлю в колхоз и других за собой поведу. Такие дела. Что посоветуете?

– Ну и вступай, батя, меня тогда в комсомол примут и учиться пошлют в город на рабфак.

– Сомневаюсь я конечно, Грениа, но придётся согласиться.

– Я за колхоз, я пионерка, – набралась смелости высказаться Дуня.

– Это что ж, батя, с Кадашатами в одном колхозе будем, да ещё командовать нами будет старший Кадашов?

– Нет, Захар, Облицы не планируют присоединять.

– Хотя, если бы и присоединили, не очень-то они раскомандовались бы, быстро бы по носопырке-то получили, – Захар вспомнил последнюю стычку с «кадашатами», – Конечно хорошо, что не присоединяют.

– Ты хозяйка, что молчишь? Ульяна?

– Что я? Ты, Петь, решай, моё дело подчинённое.

– Может лучше будет в колхозе? – Дуня выжидающе посмотрела на отца, – Вместе веселее.

– Раз дело подчинённое, слушайте и подчиняйтесь. Колхоз образуется и обустроится не раньше зимы. Поэтому надо поспешить с исполнением задуманного мной дела. Завтра к вечеру едем в гости к Щербачихе Александре, дочку сватать. Слышь, Захар, на твоей Ночке поедem. Приоденьтесь все. Вопрос серьёзный. Если поладим, осенью свадьбу справим. После свадьбы хозяйство с тобой, Захар, разделю. Мало чего у нас останется забирать. Коней конечно заберут. Коней больше всего жаль. Твою Ночку я в райисполком пристрою, давно председатель на неё глаз положил, пусть районное начальство катается. Всё лучше ей, чем за плугом мучиться. А тебе, Захар, если не захочешь с Ночкой расставаться, придётся кучером наниматься. Вот такое веселье, Дуня, хоть пляши. Не дают спокойно жить революционеры, что б им пусто было, мать их за ногу...

– Всё от безверия, – Ульяна перекрестилась на образа, – Нет веры в людях, нет, вот и пришло наказание. А, Щербачиха баба умная хоть и безграмотна. Верует и богоугодные дела справляет. Детей своих такими ж взрастила. Ленку не видала, ни чего ни могу сказать о ней. Захар, хорошо знаешь её? Пойдётся за тебя?

– Еже ли мать скажит пойдётся.

– Я на их концерте был, в школе, видел её, красивая, поёт, танцует. Смотри, Захар, не упусти своо счастья, – Григорий встал выпрямившись во весь рост, – А, то я подрасту и увяду её у тебя.

– Не я решаю, – засомневался Захар, – А, для тебя, Гриш, там племянница Ленкина имеется. Правда постарше тебя, ну так будет уму разуму учить вместо батьки с мамкой.

VII

Нежданные гости устроили настоящий переполох в доме Александры, объявив о цели приезда.

Пётр попросил молодёжь пойти прогуляться по деревне и не мешать обсуждению такого важного вопроса. Он объяснил Александре причину спешки, но больше всего напирал на то, что её покойный муж хотел соединить Елену и Захара брачными узами. Александра обещала уговорить дочь.

Ульяна настояла, что бы свадьбу сыграли в Филипове и поскромнее, только для близких и родных, не то время.

Пётр, зная скупость Ульяны и бесполезность переубеждения её в делах, где предстоят расходы, не стал перечить.

Александра оставшись с тремя детьми без мужа, тоже не очень-то могла себе позволить большие расходы на свадьбу, но пообещала обеспечить молодых хорошим приданым: перинами, одеялами, подушками, одеждой для невесты и посудой.

На том и расстались, назначив день свадьбы.

За невестой приехали в назначенный день рано утром на двух колясках. Захар управлял Ночкой, а брат Григорий парой коней. В коляске Григория сидели, как и полагается, «дружки» с расшитыми полотенцами через плечо.

Когда Захар в сопровождении «дружков» вошёл в просторную горницу, его уже ожидала группа подруг Елены и брат Михаил.

– Скажите дорогие гости, зачем пожаловали? – выступила вперёд самая боевая из девчат, – Какая нужда привела вас в этот дом?

– У вас товар – у нас купец. За товаром приехали.

– Товар просто так не взять, за него платить надо.

Один из парней поспешил к коляске и вернулся с корзиной пирогов, из которой виднелось горлышко бутылки. Девчата приняли подарок и хором затянули песню, предназначенную именно для такого случая.

Лена вышла к ним в сопровождении матери в новом, недавно сшитом платье подпоясанном ремешком. Голову слегка прикрывала шёлковая косынка, из-под которой спускалась на грудь толстая русая коса, с заплетённой в неё голубой лентой. На ногах были одеты белые туфли на невысоком каблучке и белые носочки, еле прикрывающие щиколотку.

Александра держала в руках икону:

– Захар и Лена, подойдите ко мне.

– Молодые опустили на колени, взяв друг друга за руки, и покорно склонили головы.

Александра, держа над ними икону, говорила строгим голосом, словно батюшка в церкви.

– Благословляю вас, тебя Захар и тебя Елена, на дальнейшую совместную жизнь. Живите в согласии и в любви, уважайте и заботьтесь друг о друге, растите детей честными и работающими. Да поможит вам Бог. Цалуйте образ.

После того, как молодые приложились к иконе, Александра пожелала им счастья и незаметно вытерла фартуком увлажнившиеся глаза.

К дому жениха ехали в установленном порядке: в первой коляске Елена с Захаром, Александра вместе с «дружками» во второй, за ними телега, нагруженная приданным, где лошадей управлял довольный порученным ему делом, Михаил. В телеге стоял сундук, и лежали большие узлы.

До Филипова нужно было проехать через две деревни и в каждой их встречали жители, перегородив верёвкой дорогу требуя плату. «Дружки» доставали заранее приготовленную бутылку с водкой и солёные огурцы и угощали всех желающих выпить. Детям раздавали баранки, а женщинам, которые не выпивали – по монетке.

Свадьба продолжалась до поздней ночи. С уменьшением яств на столах уменьшалось и количество гостей.

Стоящие у тына и глазающие в окна жители Филиппово, так и не дождались угощения, Ульяна, не смотря на просьбы Петра, не позволила выносить выпивку и закуску:

– Обойдутся. Всё – денег стоит.

Только Григорий незаметно вынес бутылку самогона и на заднем дворе отметил с деревенской молодёжью «кончину» брата, закусывая солёными огурцами и ржаным хлебом.

С самого первого момента, как только Елена вошла в дом Петра Сергеева, поняла, что ей будет нелегко здесь прижиться. Первое, что ей бросилось в глаза, это замки: на сундуках, на шкафу, на буфете. Ещё более подтвердил это предположение недоброжелательный взгляд свекрови.

– Штой-то так разрядилась? Не праздник чай. Иль ты считаешь за мужем можно сидеть, ничего не делая?

– Почему разоделась? Совсем это не праздничное. Праздничных у меня есть два платья, а это обычное.

– Ну, мы не богатеи, как вы, хорошие вещи бережём. Отвыкай от роскоши.

– Почему не одеться, если есть во что?

– Ты, Ленка, как со мной разговариваешь! Видно мать тебя не научила уважению к старшим.

– Почему? Я просто высказала своё мнение.

– Мам, ну, что ты на неё напала, – заступился за Елену Захар, – Конечно, переоденется, если не во што купим, что попроще, и не дорогое.

– Вот, вот, опять расходы. Ладно сядне свободны, а завтра што б на рассвете, как штык к столу, позавтракаем и за работу. Лето. По своей усадьбе работ не счесть, да у колхозе надо трудодни зарабатывать. К ужину што б не опаздывать, иначе голодными останетесь. Слуг нет, чтоб по несколько раз на стол собирать.

Молодые отправились на берег Днепра. Захар прихватил удочки и горшочек с дождевыми червями. Искупавшись, они уселись на берегу, неподалёку друг от друга, и занялись ловлей рыбы. Елене эта забава была малознакома и она то и дело обращалась за помощью к Захару. Но в основном они были заняты всякими пустяшными разговорами. Пересказывали всякие смешные случаи из своей жизни и смеялись друг над другом, совершенно не обижаясь.

Шёл час за часом. Елена почувствовала, что голодна:

– Мы пойдём на ужин? Чтой-то мне захотелось поесть.

– С ужином у нас так, как солнце к закату, так и ужин.

– Так долго ждать? А, раньше нельзя перекусить?

– Не, мать строго соблюдает порядок.

– Так и помереть можно с голоду.

– Знаешь что, – выбросив в воду двух пойманных ёршиков, Захар начал сматывать удочки:

– Ты иди в сторону Глушково, а я побегу, занесу домой удочки и догоню тебя. Зайдём в сельмаг и что-нибудь купим из съестного, деньги у меня имеются.

За ужином Елена ещё раз убедилась, что ужиться в этой семье ей будет очень не просто. Если дома каждый ел из своей тарелки, то здесь все ели из общей глубокой глиняной тарелки, по очереди забирая еду деревянными ложками. Дома её не ограничивали в еде, если она просила добавки, то не было отказа, здесь же на это даже намёка не было.

Когда молодые легли в постель, Елена тяжело вздохнула и прошептала на ухо Захару:

– Ну, вы и жмоты, неужто, всегда так мало едите? Так есть хочется.

– Не, в праздники поболе. Потерпи, утром поговорю с мамкой. Но я почему-то сыт.

Захар совсем не понимал, что шестнадцатилетней девушке такого крупного телосложения просто необходимо хорошее питание для роста и полноценного развития молодого женского организма. Но тем ни менее старался по возможности подкормить её. Работая в поле отдавал свою долю из приготовленного Ульяной обеда. Часто покупал в сельмаге гостинцы.

VIII

Не прошло и года, только молодая семья стала обживаться, Захару пришла повестка явиться в райвоенкомат для призыва на срочную воинскую службу.

На призывной пункт провожали сразу нескольких парней из ближайших деревень. Толпа из родственников и друзей призывников медленно под звуки гармошек продвигалась к призывному пункту в Холм-Жирковском. Мужики попутно с выпивкой наставляли молодёжь по поводу воинской службы, хотя большинство совершенно не представляло, что это такое Красная Армия. Женщины попытались причитать, но были остановлены мужьями:

– Что завьли, дуры. Не на войну уходят.

На призывном пункте военком произнёс краткую речь о великой чести служить в Красной Армии и о долге перед Родиной. Разрешил родителям попрощаться с сыновьями и командовал погрузку в машины.

Перед тем, как Захар влез в кузов грузовика, Лена подбежала к нему, обняла и прошептала на ухо:

– У нас будет ребёночек, – и оттолкнув добавила, – Ну иди. Береги себя.

Родственники ещё долго стояли, провожая взглядами грузовики, которые были еле-еле видны из – за тучи пыли, поднятой колёсами.

Трясаясь в кузове Захар долго не мог опомниться от сказанного Еленой, «Я буду отцом. Смешно и странно».

В общем-то, его одолевало двоякое чувство. С одной стороны, ему было жаль расставаться с любимой женой, особенно после такой новости. С другой стороны, перед ним открывалась возможность посмотреть Мир. До сегодняшнего дня он и бывал-то только в Дорогобуже да в Вязьме.

Призывников привезли на станцию Канютино и с пересадкой повезли на сборный пункт в Смоленск.

Пересадка была на станции Сафоново. До поезда на Смоленск оставалось больше трёх часов.

– Слушайте внимательно, – сопровождавший призывников лейтенант оглядел помещение вокзала и повысив голос продолжил, – Всем подойти ко мне. Слушайте и выполняйте, это приказ. До отхода поезда три часа. Дорога к месту дислокации... Чтобы вы поняли, разъясняя: дислокация это место постоянной службы. Дорога предстоит дальняя, поэтому тем, кто не запасся продуктами, приказываю: пока есть время сходить в продмаг и закупить продукты, столько, чтобы хватило на две недели.

– А, если нет денег, – спросил из толпы ребят рыжеволосый парень, – У меня, например, ни копейки. Думал, нас государство обеспечит.

– Государство конечно обеспечит, если сможет это сделать в пути. Деньги займите у товарищей или на крайний случай у меня. Из солдатского пособия отдадите, когда будете получать.

Несколько человек, шумно обсуждая, что из продуктов лучше купить, покинули вокзал.

Захар развязал небольшой мешок, собранный заботливой рукой Лены. Каравай ржаного хлеба, большая пластина солёного сала, около трёх десятков яиц, ржаные лепёшки, несколько свежих огурцов, пучок зелёного лука, горсти две стручков гороха и завернутая в газету соль

составляли всё содержимое мешка. Он с удовольствием понюхал сало, «Наверняка взято в тайне от мамки. Такой кусище». Он несколько раз поочерёдно понюхал то сало то хлеб. Нашупал в кармане перочинный нож, который передал ему Григорий, «Интересно, могу ли я перекусить? Нет наверно без команды нельзя». Покопался в мешке и в уголке обнаружил завернутые в тряпочку деньги, «Верно батя втайне от мамки положил».

– Можно чем-нибудь поживиться? – склонился над ним один из парней.

Захар молча дал ему одно яйцо и отломил половину лепёшки.

– Своё надо иметь, – он тоже откусил от лепёшки кусочек, «Тёщина работа. Только она может печь такие вкусные. Когда это Ленка успела сбежать в Бетягово?». Вспомнил, что приходил брат Лены Мишка, «Он и принёс».

В свёртке из газеты, который был среди продуктов, лежала опасная бритва, помазок, маленький латунный стаканчик и небольшое полотенце, «Батя позаботился». Он развернул полотенце. На уголке было вышито: «Береги себя и возвращайся домой». Захар аккуратно сложил всё обратно в газету и затосковал о доме и о родных ему людях, поняв вдруг, насколько они ему дороги.

По вокзалу объявили о скором прибытии поезда Москва – Смоленск. Пассажиры похватили свои вещи и поспешили на перрон, шурша шелухой от семечек, покрывающей пол.

К вечеру призывники прибыли на сборный пункт. Не теряя времени, всех наголо постригли ручной машинкой и направили на санобработку в баню. После бани выдали пару нижнего белья из белой бязи, состоящую из кальсон и рубахи. Пришёл сержант с грудой обмундирования. Каждому были выданы: заплечный брезентовый мешок защитного цвета, гимнастёрка, брюки «галифе», две портянки, яловые сапоги с брезентовым верхом, пилотка, большое хлопчатобумажное полотенце и фляжка, покрытая тканью защитного цвета.

Призывники долго копались, подбирая одежду по размеру.

Одевшись в военное, Захар стал аккуратно сворачивать свою одежду, чтобы убрать в мешок, но это занятие прервала команда сержанта:

– Гражданскую одежду оставить здесь, она вам не понадобится. Возвращаться домой будете в военной форме. Всем выйти и построиться!

На ночлег разместили в казарме сборного пункта. Набралось не менее роты призывников, прибывших из разных мест Смоленской области.

В семь часов утра раздался зычный голос сержанта:

– Подъём! Одеться и с вещами построиться перед казармой!

Там призывников ждал лейтенант и ещё незнакомый им капитан. Капитан обратился к ним, громко и чётко произнося слова:

– Для службы в моей части мне нужны призывники, обладающие хотя бы небольшими навыками плотницких или столярных работ! Обещаю службу в тёплом краю у моря! Названным мной «умельцам» выйти из строя!

Вперёд выступила добрая половина призывников.

– Смотри, лейтенант, и любуйся, какая у нас одарённая молодёжь. Умельцы! Молоко на губах не обсохло, а они уже и плотники и столяры. Если бы я ещё спросил, кто умеет варить кашу, так все бы вышли. Есть такие, кто обманывает? Лучше сразу вернитесь в строй, иначе проверю – накажу.

Капитан подошёл к вышедшим из строя, и остановился перед рыжеволосым:

– Скажи мне, какие бывают лесоматериалы!

Парень замялся:

– Ну, это, брёвна, дрова, доски разные.

– Допустим. Какие плотницкие работы ты выполнял?

– Лес валил с батькой, дрова пилил.

– И колол, конечно?

– Да, да колол.

– Всё?

– Всё.

– Стать в строй! Останешься без моря. У кого ещё такие же навыки, как и у него? Лучше сразу вернитесь в строй, чтобы мне меньше времени тратить на проверку.

Большая группа призывников заняла место в строю вслед за рыжеволосым парнем.

– Вот это правильно, солдат должен быть честным, исполнительным и ответственным за свои слова и действия, – Капитан подошёл к стоящему рядом с Захаром парню.

– Ответь мне на тот же вопрос.

Парень бодро и громко стал перечислять:

– Тёс, доска, горбыль, брус, рейка.

– Что умеешь делать?

– Умею строгать, пилить, распускать брёвна на доски, молотком и стамеской могу работать, топором тесать могу.

– Хорошо. А, ты можешь что-то из того, что назвал он? – капитан ткнул Захара в грудь.

– Могу. Что за невидаль? Могу сруб срубить, брёвна под чашу затёсывать могу, шипы нарезать и рамы вязать могу.

– Если и остальные умеют хотя бы часть того, что назвали они, это очень хорошо. Всем, кроме отобранных мной, разойтись! Умельцы, в две шеренги становись! Направо! За мной шагом... марш!

Отобранных оказалось семнадцать человек. От вокзала они прошли вслед за капитаном по путям к стоянке железнодорожных составов и подошли к паровозу с двумя, прицепленными к нему вагонами. Один вагон был пассажирским, второй – товарным. В товарном вагоне, именуемом «теплушкой», освещённом керосиновыми лампами, были сооружены деревянные нары, стояла чугунная печурка и большой деревянный ящик с углём. Вокруг печурки, видимо вместо стола и стульев, стояли перевернутые деревянные ящики из под мыла. В эту «теплушку» и загрузились новобранцы.

Через два часа паровоз подтащил вагоны к пассажирскому составу маршрута «Смоленск – Москва», к которому их и прицепили.

Ехали в сопровождении сержанта – сверхсрочника:

– Скучать не дам, будете изучать устав и магчасть, то есть виды и устройство стрелкового оружия и гранат. Также, за время поездки вы обязаны выучить наизусть устав и присягу, тексты у меня имеются. В дополнение поделюсь своими знаниями воинской службы. Кто выразит недовольство или неподчинение моим приказам получит наряд вне очереди и будет бегать за углём, водой и кипятком на каждой остановке, вместо того, чтобы пойти в буфет на вокзал. Злостные нарушители будут направлены на гауптвахту по прибытии в часть. В общем-то я добрый, не пугайтесь.

Окон в «теплушке» не было. Когда позволяла погода, раздвигали двери, и молодёжь с интересом смотрела на проплывающие мимо деревни, посёлки, городишки, станции и полустанки.

К вечеру поезд прибыл в Москву. Выходить из теплушки запретили. Воинские вагоны, вагон, где ехали офицеры и «теплушка», отцепили и долго перегоняли с места на место, в конце – концов, прицепив их к поезду, следовавшему в Омск.

В Омске формировали воинский эшелон, в состав которого и вошли смоленские вагоны.

Рано утром следующего дня призывников построили и привели в военный гарнизон, где объявили торжественное построение. Всех привели к присяге, при этом каждый наизусть произносил её слова.

Всё же политрук на всякий случай стоял рядом, держа брошюрку с её текстом.

Особым сюрпризом для присягнувших было то, что всем выдали под расписку оружие: винтовки и по две обоймы патронов.

Оружием новобранцы владели недолго, по возвращении к поезду приказано было сдать его на хранение в офицерский вагон под постоянную охрану часовых.

После очередного приёма пищи новобранцев направили на погрузку товарных вагонов, которые были в составе воинского эшелона.

Загружая вагоны, они удивлялись, – «Для чего воинской части столько лопат, топоров, пил, носилок, столярного инструмента и такое количество, гвоздей, скоб и стекла?»

Перед отправлением эшелона капитан построил новобранцев перед вагоном:

– Вы сейчас получите сухой паёк. Отнесите к нему экономно, неизвестно какое время мы будем в пути.

Захар складывал полученные продукты в заплечный мешок, когда раздался голос командира:

– Сергеев! С вещами ко мне.

Захар выпрыгнул из вагона и вытянулся перед капитаном в ожидании:

– Я слышал, у тебя был свой выездной рысак, поэтому думаю, в лошадях знаешь толк. Я прав?

– Да. С конями я в дружбе. Мой Батя служил в кавалерии. Про коней много чего мне рассказывал. Я и верхом могу хорошо ездить.

– В седле не придётся ездить, а вот в одном вагоне с конями это да. К поезду прицепили вагон с лошадьми, перебирайся туда и следи за ними, корми, пои. Всё необходимое там имеется. Отвечаешь головой за каждого.

Захар обрадовался такому повороту дел и такому ответственному заданию. Он залез внутрь вагона и сразу почувствовал знакомый запах конюшни. Два вороных мерина, отгороженные жердью, находились в одном конце вагона, в другом было до потолка навалено сено. Кроме этого в вагоне стояли два мешка с овсом, четыре ведра и валялось несколько пустых ящиков.

Лучшего нельзя было и ожидать. Захар соорудил из ящиков и сена постель рядом со стенкой вагона, чтобы через выпавший из доски сучок можно было любоваться проплывающими мимо пейзажами.

При длительных остановках, когда заправляли водой и углём паровоз или меняли его на другой, он заполнял водой ведра, таская поочерёдно по паре в вагон.

Работа была знакомой и не сложной, покормить коней раз в день овсом, вовремя попоить и подбрасывать по необходимости сено в ящики перед конями.

В основном Захар вдоволь отсыпался, завалившись на сене, что редко удавалось при жизни в деревне. Особенно не до сна было летом, когда приходилось трудиться с восхода до заката.

В Чите вагон с новобранцами и товарные вагоны с грузом и конями отцепили от воинского эшелона и неожиданно подцепили к пассажирскому поезду, идущему во Владивосток.

Во Владивостоке, долго не мешкая, новобранцев построили и с вещами направили пешим ходом в порт, где их ожидал сухогруз «Видный». После небольшого отдыха и приёма пищи их поставили под погрузку судна строительными материалами, то и дело подвозимых на подводах и грузовиках.

К пристани в «Находке» транспорт причалил ночью. До рассвета спали на судне, а когда утром новобранцы вышли на палубу, им открылся прекрасный приморский пейзаж. Сопки в цветущих деревьях и кустарниках, спокойное лазурное море и песчаные пляжи вдоль берега – сказка да и только. Особенно удивительным им показалось море. Им, для которых Днепр в двадцать метров шириной был единственным из знакомых водоёмов. Бескрайний водяной простор, уходящий чуть ли ни в небо, воспринимался чем-то нереальным.

После недолгого завтрака начался аврал по разгрузке транспорта. Капитан приказал Захару вместе с парой солдат, спуститься с конями на берег и раздобыть телегу и сбрую, написав на всякий случай записку для начальника порта.

Выполнение задания не доставило Захару больших хлопот. Не прошли они сотни метров, как их остановил комендантский патруль. Офицер долго и внимательно проверял документы, прочитал записку и очень обрадовал Захара, указав на военные склады:

– Обратитесь туда, там помогут вашему делу.

Кладовщик, прочитав записку, не стал возражать и разрешил запрячь мерингов в выбранную Захаром телегу.

Несколько дней занимались перевозкой грузов к месту строительства казарм в бывшем военном гарнизоне.

Старые здания без присмотра и от времени разрушились, поэтому жить пришлось в больших военных палатках на двадцать мест.

Первые дни устраивали быт, как могли в полевых условиях, а затем приступили к строительству. Всеми работами руководил военный инженер Зуев. В помощь из Владивостока прислали в сопровождении политрука взвод солдат. Кроме новобранцев в его составе были рядовые и младшие командиры, отслужившие ни один год. Стройка закипела. Тут-то и пригодились плотницкие навыки новобранцев, валили лес, тесали брёвна, ставили срубы, расчищали площадки для будущих зданий.

IX

Прошёл месяц, как Захара забрали на службу. Без него Елене всё труднее становилось переносить упрёки свекрови.

Если смотреть поверхностно, отношение к ней в новой семье было в общем то добрым, особенно со стороны Григория. Однажды он подошёл к ней и показал связку ключей:

– Иди за мной.

Он подвёл её к кладовой и открыл замок:

– Батяка с мамкой в Холм отправились за семенами, пробудут там долго.

Зайдя в кладовую, Григорий приподнял деревянную крышку одной из бочек с салом:

– Прошлогоднее, это нам не годится, – заглянул в другую бочку, – Вот это то, что надо.

Григорий достал из-за пазухи краюху хлеба,

– Держи.

Вынул из кармана складной нож и отрезал от пластины сала большой кусок:

– Захар просил тебя подкармливать. Ешь и с собой ещё возьмишь.

– А, как узнают?

– Да не узнают. Тут его вона сколько, и не заметят даже.

– А, Дуська скажет. Она видела, как мы сюда пошли.

– Дуська? Только пусть попробует.

Елена долго мучилась, не решаясь обратиться к Григорию с просьбой:

– Гришь, я уйду от вас домой к мамке, не могу я здесь боле. Понимаешь? Ну не могу, как в тюрьме живу. Понимаешь? Живу, света белого не вижу: огород, поле, хлев, огород, поле, хлев, а я ведь в театральнй кружок ходила и в хоре пела. Не хочу постоянно ходить голодной, я что, не тружусь в полную силу? В последний раз больше батяки накосила. Если бы ни ты, давно бы ноги не держали. Уйду. Поможешь? Мне б тачку какую, вещи перевезти.

– Понял. Помогу, конечно. Только жаль, что уходишь. Ты мне сразу понравилась. Вполне нормальная девка.

Так и сделали.

Александра долго отчитывала Елену за неблагоразумный поступок, потому что «нехорошо уходить от законного, данного богом мужа», но, видя решимость и упорство дочери, смирилась с этим:

– Живи уж, но придёт Захар со службы, что б вернулась к нему.

Пётр очень расстроился, узнав, что Елена вернулась к своим:

– Нехорошо получается. Довели девку. Всё ты, Улька, со своими упрёками да поучениями.

Он с досады замахнулся на Ульяну.

– Я не причём. Я знала, что она не приживётся, избалованная. Только знает, что толстеть, ест словно мужик.

– Так она и работает в полную силу. Не всякий мужик за ней угонится. Довели. Схожу, как ни то, попрошу вернуться.

– Захару не вздумайте отписать, – обратился он уже ко всем.

Возвратившись в родной дом, Елена, словно в машине времени, вернулась в ту беззаботную интересную жизнь, в которой жила раньше. Она вновь стала посещать театральный кружок. Участвовала в спектаклях, выступала в девичьем хоре и ездила вместе со всеми в агитационные поездки по району, словно не было свадьбы, мужа, свекрови. Захару не писала, не хотела расстраивать, а соврать не смогла бы.

Иногда после репетиция или спектакля её провожал Павел Аносов. В один из таких вечеров, прощаясь у калитки, он сказал, что передумал своё отношение к семье и предложил Елене развестись и выйти за него.

Елене он нравился, – «Умный, внимательный, культурный, интересно о многом рассказывает, симпатичный, стройный, высокого роста, не то что Захар, который больше молчит, чем говорит, и ростом ниже». Она вспомнила неуклюжие ласки Захара:

– И где же мы будем жить, если я соглашусь? У вас полна горница людей, да и нет у вас в вашей избушке горницы. На сундуке спать будем? Но мне кажется, даже сундук уже занят.

– Свой дом построим, а пока можно и у тебя. Думаю, найдётся угол.

– Угол-то найдётся, но что скажет мамка? Она меня убьёт, если я только заикнусь о разводе, а уж о свадьбе лучше вообще не думать. Узнает, что за тебя выхожу, выгонит из дому. Не очень-то хорошего мнения она о тебе, несерьёзный ты, богохульник и живёшь не по-крестьянски, без усадьбы, без хозяйства.

Однажды, сгребая и укладывая в копны сено, на поляне в конце усадьбы, Елена, вроде как невзначай, с напускным безразличием, решила проверить реакцию матери на предложение Павла:

– Мам, ты представляешь, секретарь наш комсомольский предложил мне развестись с Захаром и выйти за него.

– Безбожник, что от него ещё можно ожидать.

– Вообще-то он мне нравится больше, чем Захар... Может развестись... Не знаю, что и делать.

Александра прекратила грести:

– Ты что говоришь! Мужа несколько лет не можешь подождать! Ребёнка без отца оставить хочешь. Ишь, что удумала! Даже заикаться не смей! Смотри, Ленка, прокляну. Что б больше ни ногой туда, хватит с девками хороводы водить. Брюхо уж торчит, а она туда же, в артистки. Всё запрещаю! И запомни, ты мужняя жена. Забудь туда дорогу. Захару-то отписала, как ко мне вернулась?

Елена покачала головой.

– Отпиши. Была б я грамотная, то б Митеньке своему каждый день письма на фронт отправляла б. што б завтра же письмо было. Хороший человек страдает, а ты здесь хвостом крутишь. Откель у тебя только мысли-то такие? И девки твои, подружки, артистки, что б в мой дом ни ногой. Видно нельзя с тобой без строгости. Был бы отец жив, всё было бы по-другому.

Елена не посмела послушаться мать, и время до родов прошло в заботах по дому и по хозяйству. В колхозе она не работала, так как Александра Щербакова отказалась туда вступать.

Когда начались схватки, Александра сама запрягла коня и отвезла Елену в Холм, в больницу. Роды прошли легко, и уже через два дня она с новорождённым, крупным мальчиком, была дома. Материнского молока было вдоволь, и ребёнок рос крепким и здоровым.

В своём письме Захар попросил назвать сына Анатолием, Елене это имя понравилось.

В ожидании мужа со службы Елена вся окунулась в заботы о первенце.

Павел Аносов искал встреч, но она его всячески избегала.

Х

Строительные работы чередовались со строевой подготовкой, стрельбами и политзанятиями. Политрук показался Захару самым вредным из офицеров, который совершенно не терпел, когда ему перечили или задавали провокационные вопросы. За малейшие ошибки в понимании современной обстановки в мире или внутренней политики партии и правительства он направо и налево раздавал наряды вне очереди.

Захару и ещё нескольким новобранцам поручили выкопать траншеи под фундамент казармы. В этой группе особо выделялся среди других рядовой Тарас Малышко. Все предполагали, что это прозвище, оказалось – фамилия, которая совершенно не вязалась с внешностью. Его природные данные (рост более двух метров, вес под сто сорок килограммов, широкая кость и полное отсутствие жира, сплошные мышцы) первое время заставляли относиться к нему с опаской. Совсем по-другому его воспринимали, узнав поближе. Малышко оказался безобидным, безграничной доброты человеком. Когда его спрашивали, откуда ты такой здоровый появился, он смущался и виновато, будто оправдываясь, каждый раз говорил: «Из Одессы. В отца я, он грузчик в порту. Сила у меня от работы. Помогал кораблю загружать, вот и набрался силушки. Но с отцом не сравнюсь, куда там, он что Поддубный, а может и здоровее его будет».

Поэтому из-за его мягкотелости и неумения командовать взводный назначил старшим Захара, чему Малышко был очень рад.

Работа спорилась. Когда попадались участки с примесью камней, то их передавали Тарасу. Взяв двадцатикилограммовый лом он играючи разбивал твёрдую землю и, усевшись на край траншеи, отдыхал, ожидая работу потяжелее. Если кто-то укорял его в безделье, отвечал: «Что я баба что ли лопатой землю копать словно в огороде». На него не обижались. Всех устраивал такой порядок вещей.

Разбив очередной попавшийся камень и выбросив осколки из траншеи, Тарас попросил разрешения у Захара и пошёл к ручью попить воды. Напившись, прилёг на травку и заснул.

Работы приостановились, когда под лопатами раздался металлический звон. Солдаты обкопали вокруг, и их взгляду предстал якорь весом не менее полтонны. Расширив траншею, они вчетвером опустили в неё и, ухватившись за якорь, попытались приподнять, но не смогли даже пошевелить. Якорь словно прирос к земле. К удаче не привела ни одна из попыток, то ли из-за слабости бойцов, то ли из-за неудобства.

– Подождём Малышко, что зря мучиться. Покурите пока, – Захар стал ножом очищать от нароста грязи место на якорь, где виднелось что то похожее на надпись. Он не ошибся, выпуклыми старославянскими буквами было написано: «Св. Пётр».

Выкурили по несколько самокруток махорки, но Тарас всё не шёл. Несколько раз приступали они к работе, но безуспешно. В конце измучившись, просушив на солнце пропитанные потом гимнастёрки и нательные рубахи, так и не дождавшись товарища, ругая его, пошли на ужин.

– Если придём, а он уже кашу трескает, доложу взводному.

– Правильно, Захар, ежели подвёл нас – отвечай, – поддержал один из солдат.

Тарас объявился только к отбою:

– Простите, мужики, задремал я, пригрелся на солнце.

Не произнеся больше ни слова, он завалился на кровать и засопел.

Когда утром пришли на строительную площадку, якорь уже лежал рядом с траншеей.

– Считайте, что сегодняшнюю норму я уже выполнил, но с вас с каждого по недельному сухому пайку.

Солдаты оторопели, не зная, что ответить Тарасу.

– Пошутил я, – и добродушная улыбка расцвела на его лице.

Взводный оценил работу Малышко:

– Ну, ты, и Богатырь. Прямо Илья Муромец. Награждаю тебя недельным сухим пайком и прикажу повару до конца месяца накладывать тебе двойную порцию. Объявляю тебе благодарность.

Тарас вытянулся по струнке:

– Служу Красной Армии и Трудовому Народу.

После команды «Вольно» продолжил:

– Товарищ лейтенант, Вы сказали до конца месяца. Сегодня же тридцать первое августа, последний день.

– Правильно.

Все засмеялись.

– Смеётесь. Я может здесь ни разу не наедался досыта. Вы хиляки, а меня с собой равняете.

Взводный нагнулся над якорем. Поводил пальцем по буквам:

– Столько лет пролежал в земле, а надпись сохранилась. Только представьте себе – якорь это послание нам из прошлого. Давным-давно к берегам штормом прибило и разбило корабль древних мореплавателей. Волны расшвыряли обломки корабля, и только якорь остался лежать на дне вблизи берега. Выжившие матросы похоронили погибших товарищей здесь наверху сопки и поставили на могиле вместо памятника якорь. А, может быть, всё было совсем не так. В любом случае это важная находка. Мы его очистим и поставим перед казармой. Это будет первый памятник на этой земле. Насчёт тебя рядовой Малышко я договорюсь с командованием об усилении твоего питания. Обрадую, завтра воскресенье, не работаем, всем увольнительная на весь день.

Когда взводный ушёл, Тарас задрал кверху нос:

– В такой знаменательный для меня день разрешаю перекур вне очереди.

За куреньем продолжили разговор о еде. Вспоминали о простой домашней пище, от которой сейчас не отказались бы. О пышных домашних блинах и пирогах, о топлёном молоке и яичнице с салом, о грушах и яблоках из своего сада.

– Я вам байку расскажу, – Тарас сел на якорь, – Пишет парубок письмо домой со службы: «Дорогая ненько, мамка значит, как же я скучаю по нашему дому, по селу и родным, а особенно по нашему саду. Закрою глаза и вижу: яблони сплошь в яблоках, а они такие крупные зрелые, золотистые, ароматные. Будешь собирать мне посылку пришли яблочек. Задумался и приписал: знаешь, ненько, выкинь ты эти яблоки и положи лучше сало».

– Это письмо случайно не ты писал? – Захар положил руку на плечо Тарасу.

– А может и я.

– Раз такое дело, порадую тебя сегодня салом, домашним, с чесночком. И вам товарищи солдатики, отрежу уж по кусочку, я не жадный.

Воскресный день выдался солнечным и безветренным. Захар и его товарищи по работе решили провести день вместе и посвятить его обследованию окрестностей. Знакомой уже дорогой они направились к пристани. Порт и прилегающая территория были заняты всевозможными постройками, растянувшимися по берегу на несколько сот метров. Старые и вновь

построенные здания стояли вперемешку без какой— либо организации и планировки. Выше по берегу стояли жилые бараки и избы. У причала шёл монтаж большого портового крана. Даже в выходной день вокруг кипела работа.

К причалу была пришвартована баржа с высокими бортами. Её размеры поразили новобранцев из Смоленщины, море и океанские корабли они видели впервые. Наблюдая восхищение товарищей, Тарас отметил:

– К нам в Одессу, бывает, огромней этого корабли приходят.

С баржи на пристань спускался широкий трап. Вдоль баржи выстроилась цепь солдат с винтовками. Некоторые держали на поводках собак, которые, не переставая, злобно лаяли и рвались в сторону заключённых, спускавшихся по трапу. Заключённых построили в колонну и повели вдоль берега вглубь бухты.

– На лесоповал. Теперь пойдёт работа, только успевай шевелиться, – прохожий в матросском бушлате измерил взглядом Тараса, – Вы, что не конвоиры?

– Какие ещё конвоиры, – произнёс Тарас, глядя сверху вниз на мужчину, – Мы солдаты Красной Армии.

– Где же ваша часть располагается, солдаты Красной Армии?

– А вот это уж не ваше дело. Военная тайна. Понятно. Мы выполняем важное государственное задание, – с серьёзным видом заявил Захар, показывая, что он старший среди солдат.

– Важное задание? Эх, ты, конспиратор. Я мог и не спрашивать. По вашей совсем новенькой форме понял, что вы из новобранцев, которых направили на строительство военного городка. А насчёт военной тайны вы правильно мыслите. Обстановка на Дальнем Востоке не простая. Японцы опять на нас зуб точат, но это им не при царе, получают своё, если сунутся.

– Вы нам ни подскажите, есть ли здесь магазин? – Захар прервал мужчину, чувствуя, если мужчину не остановить, то разговор будет продолжаться бесконечно.

– Есть и магазин, и медпункт, и почтовое отделение, и две столовые, – мужчина показал на, видневшуюся среди домов, чёрную крышу, – Это и есть магазин. А, вы значит, как я понимаю, в увольнении. Значит, справно исполняете службу. Прощевайте. Лёгкой вам службы, – мужчина продолжил свой путь, продолжая говорить, но уже было не разобрать о чём.

Магазин оказался открытым, не смотря на выходной день. Над входом висела вывеска, «Продмаг», написанная неровными буквами. При этом буквы «П», «м» и «г» были печатные, а остальные прописные. В рамке у двери висело объявление, написанное таким же неровным почерком: «В тёмное время суток магазин не работает по причине отсутствия освещения и керосина».

Внутри оказалось полным полно покупателей. Очередь продвигалась очень медленно, поэтому предоставлялась возможность узнать новости из местной жизни: «Намечено строить рыбзавод и небольшую электростанцию. Назначен новый комендант порта – бывший комиссар полка. Скоро всех направят на заготовку рыбы и мяса к зиме».

Женщина, стоящая в очереди, обратила внимание на вошедших солдат:

– Мужики, пропусти ли бы ребят. Им нельзя время в очереди тратить, командир не простит опоздания.

Очередь расступилась и пропустила солдат к прилавку. Продавщица полная краснощёкая женщина средних лет ловко сворачивала из нарезанной серой бумаги кульки, складывая туда то, что просили солдаты. Взвесив, она быстро гоняла туда-сюда косточки счёт, скорее для вида, чем для счёта. В основном всё прикидывалось или пересчитывалось в уме, «Примерно правильно. Что ещё вам надо».

Цены на продукты были намного выше, чем в магазине в Глушково. «Не разгуляешься. Надо экономить», – решил Захар. Купили в основном сладости. Захар купил карамель, подушечки с начинкой. Они были хотя и слипшиеся, но вкусные. Тарас купил пачку папирос «Прибой». Выйдя из магазина, он демонстративно достал папиросу, смял особым способом её бумажную гильзу, прикурил и стал, наслаждаясь, пускать кольца дыма:

– Это вам не махра.

Они шли вдоль берега, любуясь окружающей приморской природой. Для всех кроме Тараса всё было вновь: сопки, море, широченный пляж и стаи крупных кричащих чаек.

– У нас в Одессе море лучше и пляж красивее и чище, а чайки прямо из рук рыбу хватают, – Тарас опустил руку в воду, – У нас в это время вода намного теплее.

Пляж был усыпан выброшенными волнами корнями и ветвями деревьев, пучками морской травы и большим количеством ракушек. Особый интерес вызвали огромные разнообразной формы раковины, сверкающие внутри перламутром.

Один из парней поднял большую ракушку:

– Собрать да отправить в деревню. Какая красотища. Их даже вместо посуды можно пользоваться. Смотрите, – и он поднял ещё одну похожую на тарелку.

– Возьму. Попрошу повара класть мне в неё кашу, во все позавидуют. Как думаешь, Захар, стоит взять?

– Не по уставу это. Не разрешат, – Захар тоже поднял ракушку и стал вертеть, разглядывая на ней, словно кем-то специально нарисованные узоры:

– Возьму. Уберу в тумбочку и буду в неё складывать нитки, иголки и прочую мелочь.

Идея пришла по душе, и все медленно шли глядя под ноги, чтобы не пропустить раковину, какая красивее других. Найдя, поднимали, радостно восклицая, а потом выбрасывали, обнаружив ещё красивее.

За этим занятием они не заметили, как вышли на выступающую в море оконечность полуострова. Перед их глазами предстал во всём своём величии Тихий океан. Вернее часть его – Охотское море. Бескрайнее водное пространство словно уходило вверх, сливаясь с небом, и казалось, море вот-вот опрокинется и выплеснется всей своей мощью на берег. С севера дул прохладный ветерок, вызывая небольшие волны, которые катились вдоль берег шевеля своим краем разноцветную гальку.

– Что, если мы поднимемся вон на ту гору и посмотрим сверху, может быть, другой берег увидим?

– Нет такой горы, Захар, чтобы увидеть тот берег, – и с видом знатока Тарас добавил, – Если только остров какой – ни будь. Подняться, конечно, можно. Интересно, что там наверху.

Сначала решили искупаться. Выбрали чистое песчаное место, которое на некотором расстоянии от воды переходило в полосу гладких, отполированных волнами камней. На них и расположились, раздевшись догола, кто тут может их видеть.

В воду заходили медленно, предварительно побрызгав ею на себя. Она оказалась холодной и хорошо освежала и бодрила. Хотя деревенская молодёжь, живущая у реки, умела плавать, на глубину заплывать не стала. Барахтались у берега, всё-таки место незнакомое мало ли что.

– Нет, я всё-таки сплываю, – решил покрасоваться перед товарищами Тарас.

Он несколько раз сплавал метров за тридцать от берега, потом вышел, разбежался и плюхнулся в воду, обдав купающихся водопадом брызг, и скрылся под водой. Все несколько минут напряжённо ждали. И тут вместо Тараса из воды показалась большая голова без ушей, покрытая гладкой блестящей на солнце шерстью, с выпуклыми глазами и усатой мордой и стала с любопытством смотреть на людей. Через мгновение новобранцы были уже на берегу, отбежав подальше от воды.

Тарас вынырнул и, развернувшись в сторону берега, увидел животное, которое, громко фыркая, покачивалось на волнах прямо перед ним.

Дикий крик Тараса отозвался эхом по окрестностям. Он, что было мочи, заработал руками и ногами, уплывая подальше от страшного зверя, но сообразив, что удаляется от берега, сделал полукруг и выскочил на сушу.

Животное при крике Тараса скрылось под водой. На мгновение показалось метрах в ста и больше не появлялось.

– Вы видели? Нет, вы видели? – Тарас возбуждённо жестикулировал, – Всё, я боле здесь и на шаг в воду не зайду. Страх небесный. Что это за чудище с усами. На сома не похож, сомов я видал. Одного на сто кило вытащили и то не такой страшный был. Чего только тут ни водится. Надо было у мужика спрашивать.

Все невольно посмотрели в сторону моря. Словно в ответ на его слова не так далеко от берега из воды поднялся фонтан воды, а затем огромный плавник хлестнул по воде с такой силой что звук, долетев до них, прогремел в ушах, словно винтовочный выстрел.

– Хорош зверюга. Далеко был, а то сожрал бы меня, – Тарас быстро собрал в охапку одежду, – Вы как хотите, а я наверх.

Отойдя подальше, оделись и стали подниматься на высокий берег.

На их счастье в гору вела еле заметная тропа, иначе бы они не смогли пройти через покрывающие склон заросли колючего кустарника.

Изрядно попотев, поднялись на сопку. Вершина оказалась плоской и свободной от деревьев и кустарника. Перед ними открылся замечательный вид на море. Первое, что заметили новобранцы, это столбик с прибитой к нему доской с надписью: «СССР». Ниже на дощечке поменьше прочитали: «Пограничный пост. Запретная зона. Проход запрещён».

Посреди поляны находился бревенчатый барак. Рядом с ним стояла высокая смотровая вышка тоже сооружённая из брёвен. На ней Захар разглядел пограничника. Когда тот отвёл от глаз бинокль, Захар, привлекая его внимание, помахал рукой. Заметив нарушителей, пограничник тут же приложил к плечу винтовку и выстрелил в воздух. Из барака выбежали три солдата с винтовками наперевес в сопровождении командира с наганом в руке. Солдаты остановились поодаль, направив на непрошенных гостей стволы винтовок. Командир, сержант, по виду сверхсрочник, подошёл, убирая на ходу наган в кобуру:

– Вы грамотные? Читали что написано? Вот арестую вас до выяснения. Кто такие?

– Так мы со строительства военного городка, работаем там и служим, – ответил за всех Захар, – Мы в увольнении. Гуляем, знакомимся с новым местом службы. Читали, конечно, но подумали, нас это не касается.

– Предъявите солдатские книжки.

Захар собрал документы и передал сержанту. Пограничник долго и внимательно изучал документы, иногда строго вглядываясь в лица солдат.

– Всё в порядке. Можете быть свободны, – и он протянул документы Захару. – А ты значит старший. Хорошие у тебя солдаты, особенно этот, – сержант посмотрел на Малышко, – Нам бы такой ой как пригодился бы и вышки не надо с его ростом, – произнёс он, добродушно улыбаясь, и продолжил вполне серьёзно, обращаясь к Тарасу, – Хочешь к нам в пограничники? Настоящая служба, это тебе не стройка.

– Не, я с ребятами. Мы все с одного призыва и земляки можно сказать. Я с ребятами.

– Товарищ старший сержант, можно вопрос? – Захар приложил руку к пилотке, – Мы от вас сможем пройти напрямую по лесу к порту.

– Почему не сможете? Сможете.

Сержант указал на прогалину среди кустов, – Там медвежья тропа, лучшей дороги не найти.

– И что медведи действительно по ней ходят?

– Ходят. Вы, если встретите, кричите во всю силу, как только можете. Медведи шума бояться. Убежит, может быть.

Захар в душе засомневался, – «Идти по тропе опасно. Лучше уж по берегу», – но не захотел показаться трусом и не проронил ни слова.

– А я могу спросить?

Сержанту было интересно, что скажет этот гигант насчёт медведя.

– Спрашивай.

– Товарищ старший сержант, что за чудище мы видели в половине километра от берега, то ли рыба, то ли зверь такой огромный?

– Это кит молодой ещё, отбился от стаи, несколько дней уже вдоль берега плавает. А вот когда лосось идёт на нерест, здесь в устье реки собирается больше двадцати китов, гиганты так гиганты.

– Так, они проглотят и не заметят, а я купался. Правильно говориться, не знаешь броду, не лезь в воду.

– Нет. Они для людей не опасны, не было случаев таких, шлюпки, правда, переворачивали, это было.

– Я был в воде, когда ещё одна зверюга рядом вынырнула. Вся морда в усах, глаза выпучила и фыркает, как лошадь. Перепугала до смерти.

– Это сивуч. Вот этот зверь при плохом настроении может и укусить. Или, если приблизишься к матке с детёнышем, то берегись. Когда самцы дерутся, тоже лучше не подходи, порвут.

Только лишь Захар и товарищи сделали несколько шагов в сторону тропы, как оттуда выскочили две лайки в компании с медвежонком. Все замерли в ожидании. Собаки, подбежав, с лаем накинулись на Тараса, но были остановлены окриком сержанта. Прекратив лаять они стали обнюхивать пришлых. Медвежонок подошёл к Захару и, вытянув морду, стал нюхать воздух, двигая ноздрями. Затем поднялся на задние лапы, тыча мордой в карман галифе. Захар вспомнил про конфеты, достал оставшиеся и вытряхнул из кулёк на землю. Медвежонок с удовольствием стал угощаться, рыча на собак, пытавшихся воспользоваться случаем, чтобы полакомиться. То же самое проделали все остальные, опустошив свои карманы, и с удовольствием наблюдали за животными. Закончив трапезу, медвежонок и собаки уже с полным безразличием к людям отбежали и легли в тень у стены барака.

Сержант рассказал, как нашли этого медвежонка в тайге совсем обессиленного и потом выкармливали из бутылочки сладким чаем да разведённой в воде сгущёнкой, пока он ни начал есть вместе с собаками.

Тропа оказалась вполне подходящей, можно было идти, почти не пригибаясь. Только Малышко, чтобы лишний раз не наклоняться, иногда обламывал ветки, которые ему мешали.

Придя в порт, вновь пошли к магазину, но он оказался на замке. На крыльце сидел пожилой мужчина. Рядом на газете лежала внушительная горка вяленой воблы. Купили у него по рыбине и, найдя жуя её, не заметили, как дошли до части, успев как раз к вечернему построению. После отбоя, лёжа в кроватях, новобранцы долго не могли уснуть, столь значительно было всё, что они увидели и услышали в этот день.

Жизнь и служба проходила своим чередом без особенных событий. Почти половину солдат, в том числе и Захара, перевели на строительство метеостанции.

После трудового дня в свободное от службы время Захар любил, пройдя пару километров до берега моря, сидеть на завалившемся дереве и смотреть на залив.

Каждый раз вид был иным.

Если безоблачное небо покрывалось тучами, и усиливался ветер, то совершенно спокойное море, вдруг, превращалось в бурное. Оно бросало на берег огромные пенящиеся волны, шум от которых был слышен за километры.

Иногда пустынное море заполнялось снующими туда-сюда судами.

Однажды, когда он в очередной раз пришёл на берег, перед ним открылось удивительное зрелище. Огромные киты, несколько штук, точно пересчитать было невозможно, но не менее десятка, поочерёдно появлялись на поверхности, выпуская фонтаны воды. То два, то три, они поднимались над волнами, разбрасывая по сторонам словно щепки, плавающие в бухте брёвна, которые не смогли перехватить сплавщики в устье реки, у лесопилки.

Захару невольно вспомнился родной дом, – «Жаль, наши не видят. Обязательно вытащу их сюда. Такое зрелище. Эх, видели бы деревенские, видела бы Лена. Если всё будет хорошо, привезу её сюда, пусть подивится».

Уже на следующий день поступил приказ, и весь гарнизон на том же сухогрузе перевезли из Находки во Владивосток, где в устье Амура пересадили на речные суда и направили к месту строительства укреплений.

Работы проводились спешно, в связи с осложнением внешней политической обстановки и возможностью возникновения военного конфликта с Японией в Монголии.

XI

Когда Захар получил телеграмму: «Родился сын, ждём твоего скорейшего возвращения. Елена», до окончания срока службы оставался почти год. Захар явился к командиру и, показав телеграмму, обратился с просьбой об кратковременном отпуске.

– Какой ещё кратковременный отпуск? До дома две недели, обратно две недели, да дома, трёх дней мало, это, как минимум, ещё неделя. Обратись к политруку может он что – то посоветует, – и, когда Захар, отдав честь, чётко развернулся, собираясь уйти, командир части добавил, – Сочувствую Вам, но ни чем не могу помочь, не имею права отпускать солдата из части в такое тревожное время.

Политрук внимательно выслушав Захара, посочувствовал:

– Вам, рядовой Сергеев, совсем немного осталось послужить, но я всё же попробую обратиться к командованию с рапортом о Вашей досрочной демобилизации.

Через пару дней, во время утренней физзарядки на площадке перед казармой, к Захару подошёл дежурный по части:

– Рядовой Сергеев, срочно в медпункт.

Захар попытался уточнить:

– Могу я перед этим зайти в казарму, одеться.

– Так иди, всё равно придётся раздеваться.

Захар вошёл в кабинет военврача:

– Товарищ военврач, рядовой Сергеев прибыл по вашему приказанию.

– Сергеев?.. Сергеев?.. Вот, что Сергеев, политрук сказал, что ты при нагрузках очень задыхаешься, и попросил тебя осмотреть. Задыхаешься?

– Нет вроде. Не замечал. Как все.

– А, я вот даже сейчас заметил, что ты задыхался, когда вошёл в мой кабинет.

– Это после зарядки. И потом бежал.

– Постороннему взгляду заметнее задыхаешься или нет, тем более врачу.

– Поэтому, запомни и заруби себе на носу – задыхаешься!

Доктор долго его прослушивал, простукивал мял живот, опять простукивал и прослушивал, заставил отжаться от пола, сколько может. Захар отжался двадцать восемь раз, слегка вспотев. Военврач протёр его полотенцем и снова стал обследовать.

– Одевайся. «Не задыхаюсь». У тебя парень врождённый порок сердца. Тебе физические нагрузки противопоказаны. Потом, когда—нибудь, медицина сможет устранять этот дефект, но пока большие нагрузки противопоказаны. Завтра на военную медицинскую комиссию к десяти утра.

Комиссия состояла из военврача, медицинской сестры, командира части и политрука.

Военврач зачитал медицинское заключение. Командир части спросил у присутствующих, какие будут предложения.

Заявление сделал только политрук:

– Комиссовать. Не хватало нам ЧП в части со смертельным исходом. Комиссовать.

– Прошу голосовать, – и командир части первый поднял руку.

Все проголосовали «за».

– Рядовой Сергеев, Военная медицинская комиссия принимает решение комиссовать Вас по состоянию здоровья, с прохождением ежегодного обследования по месту воинского учёта. Вы признаны негодным к воинской службе в мирное время, а в военное время годным к нестроевой службе. Всё.

– Завтра оформляйся солдат и удачи в личной жизни, – добавил после слов командира части политрук, незаметно подмигнув Захару.

На следующий день, ещё до подъёма Захара растолкал дневальный:

– Вставай, старшина зовёт.

В первую очередь зашли в оружейную комнату. Старшина проверил на месте ли записанная за Захаром винтовка и повёл его в каптёрку, переодевайся:

– Стыдно явиться к молодой жене в таком виде. Выбирай.

Когда Захар переделся в новую форму и натянул новые пахнущие дёгтем сапоги, старшина оглядел его с ног до головы:

– Полный порядок. Иди в канцелярию, оформляйся, потом в столовую, тебя там покормят вне очереди.

У двери канцелярии пришлось ожидать несколько часов, но Захар не переживал, главное он скоро будет дома.

Начальник финансового отдела, майор, выдал денежное довольствие, сделал отметку в солдатской книжке о выбытии и выдал справку на бесплатный проезд до места жительства, с указанием маршрута и видов транспорта. В конце строки последним стояло слово «гужевой».

– И ещё, политрук просил вручить, он сам в отъезде, – и майор протянул удостоверение и значок: «Отличник боевой и политической подготовки», – Повесь на грудь, солидной будет, – и крепко пожал Захару руку, – Прощай, рядовой Захар Сергеев.

Захар ехал домой в общем вагоне поезда «Владивосток – Москва». Вагон был переполнен, и спать приходилось сидя.

На третьи сутки поездки к нему подошёл пожилой проводник:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.